

Артем Тихомиров

Невеста тролля

Каждой вредине — по троллю!

Арте́м Тихоми́ров

Невеста тролля

«Автор»

2009

Тихомиров А.

Невеста тролля / А. Тихомиров — «Автор», 2009

До встречи со старым шаманом Фплиф из Вороньего Глаза понятия не имел, что над его народом довлеет Проклятие Непролазной Тупости. Ну ладно, пускай довлеет, если ему так нравится. Работающий тролль проживет и без мозгов... Не тут-то было. Стоило Фплифу выбраться в цивилизованный мир, как тут же ему вручают принцессу и благословляют на счастливый брак. За что, спрашивается? Фплиф всего-то и хотел найти в столице Баркарии подходящую его силе и габаритам работенку. И что теперь делать бедному троллю, если он не только тугодум, но и знатный заика? Ответы придется искать самому Фплифу. Обычно с обретением второй половины история героя заканчивается. Троллю не повезло. Его приключения лишь набирают ход.

© Тихомиров А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	14
5	17
6	20
7	23
8	28
9	32
10	35
11	40
12	44
13	47
14	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Артем Тихомиров

Невеста тролля

1

Порой ужасные истины узнаешь не сразу и не при обычных обстоятельствах. Оказывается, на моем племени лежит одна очень неприятная штукавина. Называется она – по-научному – Проклятие Непролазной Тупости. Об этом мне поведал один старый-престарый тролль с чудным именем, которое я не запомнил. Кстати, свое имя я смог выучить лишь к десяти годам, что явилось для моей матери знаком особого благоволения духов-предков. Мои братья и сестры не отличались подобной сообразительностью, и я сделался у мамыши Глиббы самым любимым чадом из многочисленного набора.

В тот вечер погода была ужасной. Гремели молнии, сверкал гром. Или наоборот, я забыл. У природы выдалось на редкость плохое настроение, скажем больше, отвратительное.

Под стать погоде оказались и обстоятельства моего знакомства со стариком. Он свалился в расщелину в скале и орал там три дня, пока я не случился мимо и не вытащил его. Старик мог бы окочуриться, но я перенес бедолагу в пещеру, где мы какое-то время беседовали. Странный это был тролль. В его убежище валялось много всякой ерунды, очень даже может быть, что он считал себя шаманом-колдуном. А лет ему, по его словам, было так много, что никаких пальцев не хватит.

– У к-к-кого н-не х-х-хва-а-а-тит?

Бывает, что я не могу произнести некоторые слова. За это в детстве меня дразнили зайкой.

Тяжелая стариковская длань проехала по моему затылку, выбив из глаз некоторое количество искр, а когда я проморгался и отряхнул со штанов солому, старик захрипел:

– Проклятый болван и тупица, ты посмотри на себя!

Я так и сделал. Ничего нового в моем наряде не появилось. Штаны, сапоги с отворотами, кожаная куртка с короткими рукавами и толстая шерстяная рубаша под ней. Еще пояс, наборный. Его мне подарил один большой толстый человек, с которым я встретился на темной ночной дороге. Я тогда немножечко заплутал и хотел спросить, как пройти в вивлиофику, но человек вдруг завопил, скинул с себя пояс и бросился бежать. Ненормальный какой-то. Обычно, если тебе что-то дарят, говорят всякие приятные слова, типа: «Держи, дубина стоеросовая!» – а тут ничего, только «Ааааа» и еще, может, «Спасите, помогите!». Пояс я оставил себе. Пришлось, хотя человек и был весьма крупным, сделать подарок шире, иначе он бы на меня не налез. Я все-таки тролль.

Ага: на том поясе еще был кошель с монетами, так что огромное спасибо доброму прохожему!

Старик все лопотал:

– Ты отправишься в странствие, и будет оно нелегким и во многом тебе непонятным!

– Ага, – сказал я.

– Я стар и умираю, поэтому сообщу тебе нечто ужасное.

Он пригласил меня приблизить к нему ухо. Я приблизил. И тогда старый тролль сообщил мне о том Проклятии. Дескать, на троллей какой-то тип наслал его в очень стародавние времена. На мой вопрос, почему этот тип так сделал, старик проворчал несколько ругательств. По его версии, один из троллей отдал ему ногу, а отдавленный оказался могущественным волшебником.

Одним словом, с той поры мои соплеменники стали еще более непопулярны в тех кругах, где ум считается добродетелью и мерилom цивилизации. Сейчас только и дозволяется им, что махать дубиной, таскать бревна и почесывать задницу.

Жестокая правда жизни. Я знаю.

– Вот с тех пор мы тупые, словно мешки с брюквой, – заключил старик. – Понял?

Я ответил, что не очень. Тогда шаман опять двинул мне по башке и повторил все выше-сказанное. Подозреваю, когда-то он водил знакомство с моей мамашей, потому что знал ее метод обучения – через хорошую затрещину.

В конце концов я вроде сообразил, о чем речь, и хотел спросить, знал ли он некую госпожу Глиббу из Вороньего Глаза, но тут со стариком что-то случилось. Он сполз с камня и забился в страшных судорогах.

Получалось у шамана неплохо. Я еще ни разу не видел, как дают дуба, поэтому, любопытствуя, подкрался ближе. Великолепное зрелище. Этими движениями он мог бы рассмешить кого угодно на любой вечеринке. С другой стороны, подумалось мне, старость-то надо уважать и помогать чем можешь – это знает каждый тролль. Если не хочешь прослыть отпетым грубияном, не стоит дожидаться, пока один из убеленных сединами патриархов склеит ласты. Приди ему на подмогу.

Движимый чувством долга, я поднял старика с пола и усадил на прежнее место. Не помогло. Продолжая кашлять и хрипеть, старик вернулся к своей гимнастике.

Я стоял и чесал тыкву, не зная, чего делать дальше, а тролль извивался у моих ног. Так мы провели некоторое время. Затем приступ у старика прошел. Он сел и пнул меня в коленку. Стало больно, я опустился на корточки.

– Слушай сюда! – прошипел шаман страшным голосом. – Возьми этот Амулет. Он обладает волшебными свойствами, он уникален со всех точек зрения... Он тебе очень пригодится. На!

Это был кривой драконий зуб, просверленный у толстого конца. В дырочку протянули прочный сыромятный шнурок, чтобы амулет можно было вешать на шею.

– Он не раз спасал мне жизнь и вообще помогал... – прокричал старик, как простуженный селезень. Его глаза совершили путешествие и оказались за пределами тяжелых и низких надбровных дуг. – Я знал, что ты появишься здесь... Я видел это в волшебной чаше... поэтому...

До меня почти не доходил смысл его речей. Я любовался Амулетом, пока снова не получил от старого дуралея затрещину.

– Слушай, проклятый идиот! Это очень важно... вероятно... вер... вер... Ты поймешь потом... Все сходится. Звезды наконец заняли положенные им места...

Да? Я захотел сходить наружу и посмотреть, какие именно места они заняли, но старик как-то странно взвыл и вцепился мне в голенище сапога.

– Следуй за своим предназначением, болван! Дубина стоеросовая! Эй, кстати, как тебя зовут... а то звезды и духи болот не сказали мне этого...

Я улыбнулся и набрал полную грудь воздуха. Мамаша говорит, в этом случае надо очень сильно сосредоточиться, иначе ничего не выйдет.

– Ф-ф-ф-ф-ф... – сказал я, багровея и плюясь слюной.

– Чего? – Глаза старого тролля оказались почти на макушке.

– Ф-ф-ф-ф-ф-ф... – с упоением продолжил сыночек мамашы Глиббы.

– Нет, он издевается, – проворчал на последнем издыхании старик и схватился за косматую голову.

О-о, мне было не до каких-то там суетных мелочей! Я всецело сосредоточился на том, чтобы правильно произнести свое имя. Задача не из легких, поверьте на слово. После того как мне удалось запомнить его (в десять лет), понадобилось еще два года, чтобы научиться верному графическому начертанию, и три года, чтобы произносить вслух.

– Ф-ф-ф-ф-ф-ф... – Первый звук всегда получался у меня неплохо, но вот остальные... – Ф-ф-ф-п...

Вот и второй! Ура, почти получилось!

Но радоваться было рано. Следующие несколько минут, скорее всего, из-за волнения, мне не удалось продвинуться дальше этого жалкого «пы» Ох и нелегкая это работа...

Старик какое-то время смотрел на меня так, словно его огрели здоровенной сковородкой. Еще он немного полежал в обмороке. Решил, видимо, чуток отдохнуть.

Ну а я что? А я знай себе стараюсь. Аж в пот бросило...

Гляжу, старик чего-то мне говорит и машет руками. Сердится, кипятится.

Здесь он прав, что-то сегодня я не того, не в голосе, что ли, или не в форме.

И вдруг, через секунду, мне в голову пришла мысль (по-моему, очень даже неглупая). Я взял из костра потухший уголек и потопал к стене пещеры, чтобы написать на ней свое имя – по-эльфийски или по-гномски.

– Помни о своем предназначении, кретин... – взвыл старик, – ибо ты...

Я с победоносным видом показал ему уголек, а потом ткнул пальцем в стену.

Старый тролль заломил руки и начал рвать на себе волосы.

– Пойдешь на север и... – Бедняга закашлялся, а я подумал, что не мешало бы стукнуть его по спине – вдруг туда чего-нибудь попало, в глотку-то. – Следи за знамениями, дурак ненормальный... и тогда, может быть, весь наш народ...

Высунув язык, я с особенной тщательностью выводил руны. Кажется, эльфийские. А может, гномские. С уверенностью сказать не могу, потому что до сих пор не понимаю разницу между теми и другими.

Написав две из них, я отошел на шаг и полюбовался работой. Если бы не знал, что это дело моих рук, то подумал бы, что кто-то плюнул на стену.

Старикан какое-то время еще разорвался, а потом затих. Поглядев на него, я увидел, что он сидит, низко свесив голову. Сомлел, бедолага. Еще бы – провести вверх ногами в расщелине скалы три дня без еды, воды и туалета! Я бы тоже, без сомнения, притомился.

Так. Две руны есть. Пойдем дальше. Вспоминая уроки мамы и других самых умных троллей нашей деревни, я трудился изо всех сил. Упрел еще больше, чем когда пробовал произнести имя вслух. Уф. Должно быть, тот самый злой волшебник был мастером своего дела...

Закончив работу, я заметил, что старый тролль по-прежнему дрыхнет. Я не стал его будить. Все-таки час поздний на дворе. Сходив облегчиться, я вернулся в пещеру и улегся в угол, чтобы поспать самому. Свое произведение я покажу ему завтра утром.

Завтра утром наступило, но оказалось, что старикан склеил лапы. Эх, он так и не увидел, чего я такое написал. Некому оценить мои старания.

Оно до сих пор там, мое имя. Глибба могла бы гордиться своим сыном.

А написано без ошибок.

«Фплиф».

Это я и есть. Приятно познакомиться.

Забросив на спину рюкзак, я пошел куда глаза глядят. Но, пройдя милю или две, вспомнил, что забыл похоронить доброго старика тролля. Пришлось вернуться и заняться его останками. Наломав камней при помощи большой кирки, найденной в углу, я соорудил над его телом приличный курган. Прямо в пещере. Никакой падальщик теперь до него не доберется.

Дело сделано. Я отряхнул ладони. Старик чего-то говорил о предназначении и о том, что я должен за ним следовать, но почему-то не стал вдаваться в детали. Жаль. Хотелось бы знать, где искать это самое предназначение и что это за штука вообще. Интересно, какова она на вкус? Лучше, чем жареные болотные жабы?

Поразмышляв над этим трудным вопросом, я пришел к выводу, что мне все равно не понять всей стариковой мудрости. Проклятие Непролазной Тупости все-таки. Не шуточка в деле, как говорит моя мамаша.

Так я и продолжил свой путь в сторону Баркарии.

2

В любом королевстве для нашего брата найдется работа. Так мне сказали знающие тролли. Иди, сказали они, и попытай счастье. Иди, иди, иди давай! Я и пошел. Бывало, наш брат добивался где-нибудь больших успехов – ну, там, становился главой цеха камнетесов, камнетаскунов или камнедробителей. Всего сорок лет – и получишь повышение по службе. Я еще подумал: может быть, если буду хорошо работать, мне и медаль вручат. Медали вручают особо отличившимся, а я отличаться люблю. Недаром, когда я работаю, никто рядом стоять не решается. Дерзай, парень, говорят – и наблюдают со стороны.

Размышляя о медали и всяческих почестях для работающего тролля, на третий день пути, спустившись с гор, я оказался в пределах королевства. Как мне и рассказывали, Баркария была большим королевством. Чтобы пройти его из конца в конец, требовалось не меньше пяти дней. Ни одна наша тролльская деревня не могла сравниться с Баркарией по величине, а это чего-то да стоит.

Переступил я границу с некоторым стеснением в груди. Все-таки первый раз в моей жизни такое.

Столица Баркарии стояла в середине королевства, на трех холмах. Называлась, кажется, Ламарг. До нее мне пришлось идти еще два дня, петляя по извилистым ухабистым дорогам. По обеим сторонам дорог располагались деревушки, в которых жили подданные местного короля. Интересно, что каждый раз при моем появлении собаки принимались гавкать как чокнутые. Думаю, на них тоже лежит какое-то проклятие. И на их хозяевах. Смотрели они в мою сторону так, словно Фплиф – какое-нибудь выползшее из земли чудовище. Мне чего-то кричали вслед, я не понимал, чего именно. Особенно усердствовал один старичок, которому я едва – по случайности – не свернул каменную ограду, что стояла вокруг его участка. По правде сказать, ограду эту давно пора было сломать и построить другую, покрепче. Я собирался предложить это старичку, но тот схватился за вилы и сделал несколько прыжков в мою сторону.

Я смутился, потому что не знал, как реагировать. Я пришел только спросить дорогу, а когда обернулся (после воинственного танца старика с вилами), увидел позади себя толпу селян, вооруженных чем ни попадя.

Из толпы выступил какой-то человек в ржавом шлеме на голове. В его руке был топор для колки дров. Я честно пытался понять, чего он там лопочет, и даже сделал шаг в сторону толпы, чтобы лучше слышать, но селяне с воплем подались назад, а парочка худосочных крестьян свалилась в пыль. Их подняли и стали бить по щекам. Бедняги.

Я хотел помочь, но на меня ошетинились всем, что было под рукой, и только тогда я понял, что меня тут, *наверное*, видеть не рады. Ну совершенно!

– Был тут один громила из ваших, год назад! – пропищал человек в ржавом шлеме, который мне разве что в качестве наперстка сгодился бы. – Явился, мы его приютили, а он нажрался медовухи и разнес половину домов! Так что вали отсюда! Кыш! – добавил самый воинственный из селян.

– Кыш! – сказали хором остальные.

Фплиф стоял и почесывал в затылке, пытаясь понять, о чем говорит этот благородный воитель. Общий смысл я уловил, но хотелось бы подробней. Что-то там про одного из наших, который разнес медовуху и нажрался половину домов. Должно быть, этот таинственный наш – плохой парень и очень невежливый.

И еще должно быть, воин имеет в виду, что тот тип был троллем.

Я набрал в грудь воздуха и попробовал извиниться за нас обоих. За того и этого – меня.

– И-и-и-з-з-з... – вырвалось из моей груди, грянуло эхом, спутало волосы на сельских головах и кинуло длинные бороды в лица их владельцам.

Слово «извините» у меня не получилось. Я сделал еще одну попытку, после чего все без исключения дети и собаки в деревушке зашлись ревом, а взрослые разбежались кто куда. Их оружие осталось на земле. Посреди разбросанного оружия стоял тот самый старичок с вилами. Коленки его дрожали, точно в каком-то танце. Хотя откуда мне знать – может, это и был танец.

– И-и-и-з-з-з...

Старичка сдернуло с места, и он покатился по земле. Через мгновение патриарх уже улепетывал – аж пятки сверкали, словно начищенные медяки.

Смутившись донельзя, я покраснел и поспешил убратся из деревушки. Странные в Баркарии жители, неправильные какие-то, дерганные, словно их блохи беспрестанно кусают. И чего тогда еще от них ожидать, кроме воплей и невразумительного лепета? Справедливости ради замечу, встречались мне в пути и вполне разумные существа. Возможно, тролли не сделали им когда-то ничего плохого, поэтому в мою сторону они смотрели спокойно. Эльфы там всякие, малявки-гномы, хоббиты тоже. Все оказались торговцами и ехали в Ламарг сбывать товар. Это было понятно. Мне говорили, что купеческое дело – непростое дело. Тут мозги нужны, явно не тролльские. Тролли умеют только обмениваться чем-нибудь, потому что Непролазная Тупость не дает разгуляться нашему воображению.

Так получилось, что добрался я до столицы Баркарии уже после захода солнца. Шел дождь, правда несильный, однако небо затянуло напрочь, а вдали погромыхивало самым неприветливым манером.

Отоспавшись после долгого перехода в одном уютном лесном распадке, я выполз на дорогу и увидел стоящий на возвышении город. Крепостную стену, башни, верхние части зданий, торчащие над зубцами, даже намокшие треугольные флаги на шпильях.

Я испустил восхищенный вздох. Жаль, никто из наших не видит этот самый Ламарг. Они бы просто свихнулись.

Мы, тролли, неплохо видим в темноте, поэтому ночной мрак, насыщенный дождем, на меня не действовал. Зато действовало другое – желание побыстрее попасть под какую-нибудь крышу, погреться у очага и заполучить охалку свежей соломы для более основательного отдыха.

Когда я ступил на поднимающуюся кверху дорогу, дождь совершенно взбесился. Струи воды стремились пролезть ко мне за шиворот, ударить по морде, пнуть под зад. Все это им удавалось проделывать со мной до самого верха, пока я не подошел к запертым городским воротам и не остановился под каменным козырьком.

Внушительные ворота были у Ламарга – четыре моих роста – и делали их знатоки. Может быть, гномы. Молва приписывает им славу непревзойденных мастеров и чудодеев. Якобы точно так же, как тролль может сломать все что угодно, так гном способен это попавшееся троллю починить в мгновение ока.

Подняв правую руку, я вежливо постучал в правую створку. Ворота дрогнули. Шум дождя на мгновение пропал в гуле, который издало предположительно гномское изделие. Словно бы в ответ пророкотал гром. Небо перечеркнула синяя молния. Не будь я таким тупым, я назвал бы это зловещим предзнаменованием.

Но я не назвал. Ворота открылись. Нет, неправильно. В них отворилось смотровое окошечко. Правда, низковато, на уровне моего живота, и я не сразу его и заметил. Не успев наклониться, я услышал донесшееся снизу «кря», а потом кто-то сказал в отдалении: «Что за... эй, лестницу тащи!»

Пока я соображал, открылось второе окошечко. Напротив моей головы. Из квадратного отверстия прыснул факельный свет, в котором я увидел глаза хмурого стражника. Глаза эти вытаращились на меня, их хозяин издал нечленораздельный звук, совсем как я, когда заикаюсь, а потом спросил:

– Что надо? Почему ночью?

– В го-ород-д... На н-ноч-члег...

– Как зовут? – спросил стражник.

– Ф-ф-ф-ф-ф...

– Чего? – протянули с той стороны, а я знай себе продолжаю. Что-что, а первая «ф» у меня всегда выходила неплохо.

Раздался грохот, вопль и звук, словно кастрюля катится по булыжной мостовой. Стражник исчез из дырки. Загомонило множество голосов. Я поглядел в отверстие и увидел суетящихся внизу людей в кольчугах и с алебардами.

Начались переговоры стражников и какого-то невидимого мне человека.

– Что-о? – взвизгнул он в отдалении. – Не может быть...

– Так точно! – отозвался какой-то исполнительный субъект.

– Ужас... горе нам... о горе!.. Открывайте!

Приказ невидимого человека исполнили живо. Ворота заскрипели, заработал какой-то механизм, и створки поползли наружу. Я посторонился, после чего увидел перед собой вои-телей, штук пятнадцать. Все вооружены. Все смотрят на меня – очень знакомо – словно на выползшее чудовище. Нет, скорее будто бы на упавшее с неба. Мне показалось, что они собираются у меня что-то спросить.

Приготовившись слушать, я увидел еще одного человека, высокого и тощего. Этакого корягообразного, что ли. Корягообразный носил шляпу и балахон до колен, руки у него были в перстнях, на шее золотая цепь и тросточка вдобавок. Зажиточный человек, сразу видно. Уважаемый, наверное.

Он что-то мне такое сказал, но я не понял. Корягообразный приблизился бочком, оглядывая мои размеры. Я промычал просьбу повторить вопрос – медленней. Корягообразный как-то искривился, в три стороны сразу, точно его придавливал к земле сильный ветер и, повысив голос, крикнул:

– Как тебя зовут, уважаемый полуночный гость?

Я сообразил и кивнул, приготовившись к новой битве с труднопроизносимостью своего имени.

– Его зовут Ф, – сказал один из стражников.

– Ф? – переспросил корягообразный, поигрывая густыми бровями.

Призвав на помощь всю свою выдержку, вспомнив мамшины уроки, я сумел произнести свое имя почти с первого раза:

– Фплиф!!!

Стражники и корягообразный почему-то подались назад, выпучив глаза. Я улыбнулся. В свете факела мне почудилось, что человек с тросточкой побледнел.

– Ну, раз так... Пойдем со мной. Поговорим.

Он сделал очень вежливый приглашающий жест, а так как мамаша всегда внушала мне, что Фплиф должен быть учтивым троллем, я пошел за ним. Кто знает, вдруг корягообразный хочет сообщить что-нибудь важное.

3

До чего же неудобные дверные проемы в этом здании! Самый настоящий муравейник с кучей узких ходов и пещерок, только побогаче, чем у муравьев, конечно. Очень странные существа эти люди. По всей видимости, их размеры немало влияют на качество интеллекта. Неужели трудно сделать все *это* побольше?

Протискиваясь в одну из норок, я сорвал с петель дверь и повредил косяк. Раздался треск, точно разорвали чьи-то гигантские панталоны. Смущаясь и краснея от неловкости, тролль пробормотал искренние извинения. Горомунд забормотал в ответ что-то вроде «Ладно. Ничего страшного». Но я-то видел, что ему страшно. То ли за себя, то ли за имущество. Кстати, *королевское* имущество, потому как место, куда мы пришли, было королевским дворцом. (Эх, видели бы меня сейчас мои из Вороньего Глаза. Фплиф – гость во дворце!!!)

Оглядев следы, которые я оставил своими сапогами, и уничтоженную дверь, Горомунд сказал мне оставаться здесь, а сам куда-то смылся. Я повертел головой. Зал этот был выше всех предыдущих, но и в нем мне приходилось стоять согнувшись. Вскоре моя не слишком длинная, хотя и широкая мощная шея стала затекать. Ставив со спины рюкзак, я положил его возле горящего камина и сел на пол. Так было гораздо удобней.

Я потянулся, хрустнув суставами. Два человека, слуги, заглянули в комнату, и их челюсти немедленно отпали. Я помахал им. Люди испарились, словно утренний туман.

Прошло какое-то время. Фплиф из Вороньего Глаза размышлял над превратностями судьбы, но без особого успеха. Когда я сообразил, что думать о таких тонких материях нужно с другими мозгами, не отягощенными Проклятием, появились еще люди.

Пышно разодетый человечек резвенько вкатился в зал – и, как говорят наши деревенские, очумел. Подпрыгнув, он вознамерился задать стрекача, но что-то его остановило. Приковылял Горомунд и начал шептать пышно разодетому на ухо. Тот немного успокоился, горестно вздохнул, и по виду его можно было подумать, что он покорился судьбе. Только вот какой судьбе, я не понял.

Затем человечек приблизился ко мне, почти на цыпочках. Странно. Так подходят к спящему медведю, надеясь, что он не проснется и не переломает тебе кости. Ноя-то не медведь и кости никому ломать не собираюсь.

– Ты ли тот, кого называют Фплифом? – спросил он.

Я кивнул, но сначала подумал. Кажется, вопрос понял правильно.

– Что тебя привело в столицу моего королевства?

– Р-р-ра... – ответил я.

Человечек (а ведь у него на голове такая штука, с зубчиками, украшенная цветными камешками, – заметил я) отпрыгнул назад и столкнулся с Горомундом. Корягообразный поиграл бровями. Что-то это означало.

– Р-работа, – сказал я.

– О! – сказал человечек. – Это понятно... Кхе... В общем. Я – Кромбис. Это мой дворец и мое королевство, понимаешь?

Я кивнул.

– Ты тролль?

Я кивнул улыбаясь. Горомунд воздел глаза к потолку и вздохнул так, словно только что потерял при трагических обстоятельствах всю любимую родню.

– Ты явился в не очень благоприятный момент для моей семьи, – сказал Кромбис. – Я бы даже сказал, сверхнеблагоприятный. Но свое слово я держу, иначе какой я король, владыка и государь-надежда?!

Я слушал.

– Как я уже говорил... обстоятельства... В общем... – Король вытащил из кармана одеяния платок и провел им по лбу. Бедняга волновался. Я знал, что такое волнение, и сочувствовал ему.

Горомунд чуть толкнул Кромбиса локтем, отвлекая от изречения не совсем понятных для меня слов. Они снова зашептались. Корягообразный смотрел в мою сторону прищуренными глазами, но, честное слово, я не воришка и ничего отсюда стянуть не собирался. Может быть, я и тупой, но честный. Правда, мамаша говорила, что честность, как и доброта, хуже воровства, однако...

Тут мои мысли оборвались ввиду слишком большого для меня уровня витиеватости. И переключились на что-то другое.

Через несколько минут, когда у меня уже стало урчать в животе, Горомунд и Кромбис пришли к какому-то соглашению. Корягообразный выскочил из залы, после чего появились двое слуг. Они катили большое овальное зеркало в резной раме, установленное на подставке с колесиками. Засмотревшись на меня, слуги чуть не шмякнулись на пол. Тогда красивое зеркало наверняка разбилось бы, но, к счастью, произведение искусства устояло.

Помахав ручкой, король указал слугам на дверь, и те резво исполнили его приказ. Бежали они, вывернув головы назад. И все из-за внимания ко мне. Один приложился о косяк и упал, второму повезло проскочить в проем с первой попытки. Упавший уполз, после чего дверь захлопнулась.

– Я надеюсь, что, несмотря на... в общем, на свои размеры, ты не будешь безобразничать, о благороднейший Фплиф, – сказал король, держась на почтительном расстоянии от меня.

Безобразничать я не собирался, о чем и сообщил владыке Баркарии.

Ох, Брызг, мой старший братец, умрет от зависти, узнав, что в гости меня пригласил сам король! Вот как! Интересно, согласится ли Кромбис выдать мне медаль сейчас, как бы на будущее? Авансом? Если учитывать, что я все равно буду заслуженным троллем и принесу королевству кучу пользы...

– Ну хорошо, я вижу, ты добрый малый... таким, по крайней мере, кажешься. Смотри, я покажу тебе в этом зеркале одну историю. Очень печальную. Она началась семнадцать лет назад и пришла сегодня к своей несколько трагичной развязке, – сказал король.

Я кивал, понимая едва ли половину из произнесенного. У короля были неприятности, которым целых семнадцать лет. Не завидую ему.

Подойдя к зеркалу, король повернул на его раме какую-то крохотную штучку, и зеркало перестало быть зеркалом. В нем появилась картинка.

Занятно! Должно быть, это какое-то колдовское колдовство. У нас в деревне ни у кого не было такого зеркала.

– Смотри сюда, Фплиф, чтобы узнать предысторию, – вздохнул Кромбис. – Смотри.

– Ага, – сказал я и удобней устроился на полу, чтобы поглазеть на живые картинки. Чудеса! Меня еще и развлекают, чтобы я не заскучал!

Обязательно расскажу своим, что в Баркарии к троллям относятся словно к важным персонам. Притаскивают во дворец и...

Зеркало умело говорить красивым женским голосом. Он очаровал меня, словно сосиска голодную псину. Я растаял.

4

В одном прекрасном королевстве жили-были король и королева. Они были счастливы в браке и справедливо правили своими подданными, ибо по доброте душевной даже помыслить не могли о каком-либо злодеянии, – сообщило мне зеркало, показывая виды тучных пастбищ, не менее тучных стад и величественные горы. Горы и тучности сменились городами и деревнями. Селяне белозубо улыбались и махали проезжавшим через Баркарию путникам. И вот наконец в волшебном зеркале появилась столица. Ламарг то бишь. – И вот однажды родилась у короля и королевы дочка. Очаровательная принцесса с глазами голубыми, словно небесная лазурь, с кожей нежной и мягкой, словно самый дорогой шелк. Все были без ума от малышки, и, казалось, на королевство снизошла божественная благодать. Мудрые говорили, что она принесет Баркарии процветание, неслыханное с начала времен. Иноземные монархи заваливали счастливого отца поздравлениями, слали новорожденной подарки и игрушки. Не было конца радости. Король души не чаял в дочке и устроил в честь ее рождения десятидневный праздник по всему королевству. Народ восхвалял монарха и его дитя. Все ждали наступления Самых Лучших Времен. – Снова промелькнули в зеркале счастливые физиономии. Народ подкидывал вверх шапки и чепчики, бросал лепестки роз и тюльпанов под колеса королевской кареты с открытым верхом. Монаршая чета раздавала воздушные поцелуи. – И вот наступил день, когда принцессе надо было дать имя. Для проведения этого обряда король пригласил известную и прославленную чародейку, которая приняла предложение Кромбиса с большой радостью. В прекрасный летний полдень чародейка провела обряд имянаречения. Принцесса получила имя Бьянка. Сказала чародейка: «Вижу в волшебной чаше с водой, что ждет Бьянку большое и светлое будущее. Вижу радость и счастье, свет и тепло. Вижу согласие и слышу ласковые слова... Ибо пришла в мир девочка, подобная богине!»

Таковы были слова пророчества, и король с королевой плакали от умиления. Художники наперебой предлагали написать портрет Бьянки, но такой чести удостоились только самые лучшие. И портреты маленькой красавицы разошлись по землям, восхитив всех и каждого. – Зеркало показало один из портретов: малявка в подгузниках играет погремушкой. – Так шли годы. Принцесса росла. И вдруг случилось нечто неожиданное – из ангелочка и воздушного и нежного существа она превратилась в коварного и капризного ребенка. Много неприятностей претерпели от нее не только няньки и фрейлины, но и сами родители. Не было дня, чтобы Бьянка не натворила чего-нибудь скверного. Девочка не чистила зубы, не умывалась, плохо ела или вовсе бросалась едой. Когда ей чего-то хотелось, она падала на пол и принималась дрыгать ногами. У кого есть непослушные дети, тот поймет, о чем я говорю. Мать и отец тратили много сил на борьбу с внезапно испортившимся характером юной принцессы. Ничего не помогало. Никакие увещания, никакие наказания. Бьянка превратилась в маленькое чудовище, повергая когда-то счастливых родителей в черное отчаяние. Решил тогда король позвать на помощь ту самую чародейку, что проводила обряд имянаречения и предрекла принцессе светлое будущее. Но та лишь пожала плечами. Никакая магия прославленной магички не помогла. И тогда в дело вступили другие маги. Кто только не пробовал справиться с Бьянкой и хоть как-то повлиять на нее – все было напрасно. Для короля и королевы наступили черные дни, да что там – можно сказать, черные годы!

По соседним королевствам поползли слухи о том, что на поверку принцесса оказалась настоящим чудовищем, а не прекрасной богиней. Ходили разговоры, что ни один принц в здравом уме не рискнет посвататься к ней, ибо все знали, что характер Бьянки хуже моровой язвы и чумы, вместе взятых. Король совсем пал духом и с трудом дождался пятнадцатилетия дочери. В тот же день объявил Кромбис, что намерен выслушать предложения иностранных монархов насчет замужества своего ненаглядного чада. Казалось, добровольцев Баркария так и не

дождется, но прогноз был ошибочным. Претенденты на руку Бьянки повалили в королевство со всех волостей. Король и королева вздохнули спокойно – при таком количестве принцев обязательно найдется какой-нибудь достаточно сдвинутый, чтобы взять Бьянку в жены. Но тут они снова ошиблись. С этого дня жизнь в королевском дворце превратилась в сумасшедший дом! Принцесса закатывала истерики всякий раз, когда видела нового принца. Здесь она превзошла сама себя, позоря перед иностранными монархами своих досточтимых родителей. Один за другим завидные женихи уходили ни с чем, оскорбленные в лучших чувствах и обиженные на Баркарию. Несчастливая королева слегла с нервным истощением, а короля поразило несварение и почесуха. Стало ясно, что принцесса не желает меняться. Более того, она сумела настроить против себя всех в королевском дворце, включая самых кротких и смиренных слуг, а это, по мнению монарха, уже ни в какие ворота не лезло...

Я посмотрел на короля, переминавшегося с ноги на ногу возле волшебного зеркала. Губы у бедняги тряслись, точно на сильном холоде, а в глазах стояли слезы. Я хотел спросить, чего это с ним такое, но не стал этого делать.

– Тридцать пять самых завидных претендентов на руку принцессы Бьянки покинули Ламарг ни с чем. Потом были двадцать женихов рангом пониже. Их постигла та же участь – им прилетело туфелькой, подушкой или половником, тайно стянутым из кухни злойной принцессой. Пятнадцать совсем завалящих кандидатов вовсе рисковали получить серьезные увечья, а потому бежали из королевства сломя голову. Свидетели утверждают, что видели, как сверкают их пятки. Но мало было для Баркарии этого несчастья. В этом же году случился тотальный неурожай, разливы рек и всяческие другие неприятности, которые окончательно свели монаршую чету с ума. Королеву пришлось посадить под строгий надзор врачей, чтобы она, будучи в помрачении рассудка, не отколола какой-нибудь номер, а король, потеряв все свое ангельское терпение...

Я не заметил, как владыка Баркарии выключил свое говорящее зеркало. Прекрасный женский голос убаюкал меня. Я задрях где-то между пятнадцатью претендентами и всяческими другими неприятностями. У горящего камина так хорошо было греть задницу!

Король подобрался ко мне, постоял, кусая ноготь, а потом стал толкать мою руку. Толкать ему пришлось долго.

Я проснулся, рывкнув от неожиданности. Человечек в богатом одеянии отскочил в сторону.

– Благороднейший Фплиф, понял ли ты, о чем рассказало тебе мое зеркало? – спросил Кромбис с надеждой в голосе.

Я зевнул во всю пасть, потер глаза и уставился на владыку Баркарии. Так мы смотрели друг на друга, а потом короля чуть-чуть перекосило.

– Ты понял или нет? – спросил он.

– Что?

У человечка задергалась левая часть лица. Очень смешно, надо вам сказать. И еще мне показалось, что он сейчас заплачет.

– О горе мне, несчастному! Горе!

– О-о-о, – сказал я, – о-о-образ-зует-ся в-все...

– Образуется? Что образуется? Я потерял сон, я потерял аппетит, повсюду мне мерещатся кошмары! Моя жена до сих пор пускает пузыри у себя в покоях, а рядом с ней день и ночь дежурят маги-целители! Нет, это больше терпеть невозможно! Если Бьянка останется здесь, мы все погибнем... королевство погибнет... все пойдет прахом... воцарится на месте Баркарии бесплодная пустыня!.. Все уже и так говорят, что мы сумасшедшие и дочка наша нам под стать, – мое королевство на международной арене скатилось из-за Бьянки в самый низ списка! Дальше ехать некуда, тролль!

– К-к-куда ех-х-х-х?

Король подошел к зеркалу и треснулся лбом о его резную раму.

– Я не смогу выдать дочь замуж! Все, кто имел право взять ее по установленным правилам, убежали из Ламарга. Все! Это конец! Почти три года нервотрепки и скандалов, тролль! Уже мраморные статуи предков в саду плачут от моей доченьки горячими слезами, только представь! Волшебники говорят, что она здорова! Нет здесь никаких проклятий или сглаза, ничего! Это ее характер, проклятый характер! А вчера!.. О-о-о! Вчера началось с того, что Бьянка заявила – кофе слишком холодный. Перевернула всю комнату, наподдала всем служанкам, а когда вошел я, мне залепила по лбу шкатулкой... Тролль!

Я понял, что хочу в туалет. Писать. А может быть, даже... Интересно, королевские дворцы оборудуются туалетами? Мне рассказывали, что отхожие места у них не снаружи, а внутри, вообразите это чудесное чудо!

Король что-то говорил, и мне пришлось приложить много усилий, чтобы уследить за его речью.

– ...и я решил, что она выйдет замуж за первого, кто войдет сегодня в ворота Ламарга после захода солнца. За первого! Неважно, кем он будет, абсолютно неважно! Я дал ей слово, что сделаю так, перед двадцатью свидетелями – от поваров до сановников! Я тверд в своем решении, тролль! И сегодня ты возьмешь себе мою дочь и отправишься с ней куда хочешь. Всему на свете приходит конец! Если она не желает жить по-человечески, пусть станет невестой тролля! Вот тогда она запоеет! Вот тогда!..

Король замолчал. Так выглядят существа, которых одолевают сомнения.

– У тебя есть дворец, благороднейший Фплиф? Есть ли у тебя золоченая ванная для принцессы, есть ли изысканные кушанья, слуги и большая мягкая постель с балдахином?

Я так и не понял, при чем тут какая-то принцесса, и сказал, что нет, никаких кушаний с балдахином у меня нету, а тем более изысканных ванн с золочеными слугами.

Король подскочил и потер руки улыбаясь.

– Отлично, отлично, отлично, – пропищал он, бегая по зале. Я едва успевал следить за этим забавным человечком.

– Итак, отныне можешь считать, что Бьянка твоя. Волею судеб случилось так, что ты был первым, кто вошел в ворота моей столицы, а значит, ты и есть жених принцессы... Мое королевское слово – закон! Бьянку как раз собирают в дорогу, так что не беспокойся! Но уйти из города ты должен сегодня ночью... сам понимаешь, лишние кривотолки здесь ни к чему... Так что пожелаю тебе, тролль, всякого счастья! Вот! Дам я тебе в дорогу немного денег на первое время, котомку еды, но дальше ты уж сам!

Я усиленно размышлял над тем, кто такая Бьянка и почему человечек постоянно твердит о ней. И почему, скажите на милость, она теперь моя?

– Теперь ты, тролль, (эх, не думал!) вроде как мой зять... Значит, поздравляю тебя, желаю счастья и тому подобное... Женить тебя прямо здесь на принцессе не могу, потому как... ну понимаешь... но все равно – она тебе невестой и женой будет... Думаю, проблему бракосочетания решишь сам, ага?

Я молчал, думая, когда мне попросить медаль. И будет ли это вежливо, просить сейчас...

– Итак! – Король подбоченился, выпятил грудь и стал чем-то напоминать старейшину нашей деревни, Бульфа Хромого, только сложенного раз в пять. – Какие у тебя будут пожелания, благороднейший Фплиф?

И тут меня прихватило. Мысли о медали улетучились, и всего меня заполнило единственное.

– Я х-х-х-хочу... п-п-пи-сать!

5

Чтобы выполнить мою просьбу, королю пришлось самолично сопроводить меня в место, о котором я слышал только в легендах.

Оно было теплым, чистым и сияющим благодаря светлой плитке, что покрывала стены, потолок и пол.

– Туалет типа сортир? – сказал Кромбис, указывая внутрь комнаты. Добрались мы до нее, надо заметить, с великим трудом. По пути я сломал две двери и вынес на себе еще один косяк. – Пользуйся... на здоровье... Кхе...

Очарованный видом королевского сортира, я не сразу сообразил, что он слишком мал для меня. Я мог бы туда поместиться, пожалуй, лет десять назад, но не в нынешней моей кондиции.

Совершив на глазах короля попытку пробраться в священное место, я застрял плечами. Повелитель Баркарии издал за моей спиной какой-то странный звук. Я испугался, что в своем усердии отдал ему что-нибудь важное.

– Боги, как же ты велик, благороднейший Фплиф! – донесся до меня монарший голос, исполненный восхищения.

Я рванул свое туловище назад, боясь, что сейчас лопну и забрызгаю своим содержимым половину дворца. Это было бы весьма огорчительно.

Высунувшись из манящего, но недоступного места, я сообщил Кромбису, что еще сильнее хочу писать. Сделать это было нелегко – у меня сводило челюсти.

– Идем быстрее! – сказал король, осознав, какие могут быть последствия.

Мы шли, я протискивался через эти проклятые маленькие двери, пугая дворцовую челядь и обращая в бегство редких сановников, не желавших почивать в столь поздний час. Те, кто не знал, что в гостях у короля тролль, принимались орать и звать стражу. Кромбису приходилось объяснять каждому встречному-поперечному, что оснований для паники нет. «Чего вылупились?! Брысь отсюда! Идите спать, иначе я вам покажу все, что вы захотите!» – визжал король, взбрыкивая, словно капризная лошадь. Челядь и сановники улетучивались от его гнева, и все равно переполох получился немалым. Бьюсь об заклад, эту ночь во дворце не забудут еще долго.

Наконец-то получилось! Владыка Баркарии вывел меня через удивительно широкие двери (может, эти изготовили специально для троллей?) в дальнюю часть двора, где я мог сделать свое мокрое дело.

На улице все еще лил дождь, громыхал гром и дул бешеный ветер. Я встал в угол, а король остался у выхода.

– Ты там скоро? Эх, ну и погода! – приговаривал Кромбис. – С ума сойти можно! Странные фокусы судьбы, я бы сказал... О, ну ты горазд, тролль!

Снова вымокший, но счастливый, я стоял под дождем.

– Благородный Фплиф, не соблаговолишь ли ты застегнуть штаны? – спросил Кромбис, переминаясь с ноги на ногу.

Я выполнил его просьбу, ибо даже тупой тролль должен знать – перед королем нельзя щеголять в таком виде. Застегнув штаны, я почувствовал, как мою голову заливают, что называется, жар стыда. Выпрыгнув под дождь, владыка Баркарии потянул меня обратно во дворец. Я тащился за человечком, оставляя за собой лужи воды.

Мы вернулись в тот же самый зал, и первым делом я уселся возле горящего камина. Эх, хорошо. Я почесал пузо. Из него, словно в знак протеста, вырвалось громкое урчание.

Кромбис подобрался ко мне и спросил:

– Ну, ты готов отправиться в путь с принцессой?

– С-с-с-с к-какой п-п-п-принцес-с-сой?

– Как это какой?

Я несколько раз моргнул. Король схватился за голову и сжал ее, чуть не раздавив, словно помидор. Его вопли привлекли внимание Горомунда. Он ввалился к нам в сопровождении нескольких человек, и вместе они принялись ловить бегающего по залу владыку Баркарии. Король сопротивлялся, но численный перевес все же взял свое.

Долгое время приближенные занимались успокоением расшатанных королевских нервов, и немудрено. Невооруженным взглядом видно, что у бедняги большие проблемы с этой штукой... самообладанием, что ли. Только вот чего он так кипит, я не совсем понял. Все время чего-то о принцессе говорит, суетится. Станный человек.

Но имя девицы мне запомнилось.

Бьянка.

Кто же она, интересно, такая?

Закончив совещание, Горомунд вышел вперед, за ним увязались трое. Ага, сейчас, наверное, последует важное сообщение.

Я готов был слушать. Устроился поудобней, скрестил ноги и подпер голову рукой.

И тут началось. Корягообразный говорил и говорил, говорил и говорил, кипятился не меньше короля, махал руками и тросточкой краснел и брызгал слюнями. Трое друзей Горомунда, сообразив, что ему нужна подмога, не мешкали ни секунды. Теперь выходили из себя уже четверо. Их бы энергию да в мирное русло, как сказал один уважаемый тролль у нас в деревне.

Наконец до меня дошло, что все они рассказывают одно и то же. Фигурировало там и волшебное зеркало с его милой сказкой. Хотя постойте – если разобраться, не очень милой, ибо говорилось в ней о *злой* принцессе...

Из того, что мне втолковывали самые важные персоны королевства битых полчаса, я понял: первое – я оказался избранником судьбы, второе – теперь у меня есть невеста, третье – это принцесса Бьянка.

Принцесса, сказал какой-то голос у меня в голове. Тупой голове, по которой привыкла стучать мамаша Глибба, когда втолковывала мне прописные истины.

Бьянка, добавил тот же голос.

А потом вдруг я увидел (может, это был волшебный мираж?) старого тролля, который окочурился в пещере. Он грозно смотрел на меня.

«Иди за своим предназначением, кретин безмозглый, чтоб тебя парша заела! – прогремел он. – А если не пойдешь, я тебе покажу драконову мать!»

И старый тролль показал мне могучий кулак. Не скажу, чтобы этот кулак был больше моего, но все-таки. Как минимум он внушал уважение к сединам и разуму старикана. Из тех умных вещей, какие он изрекал в своей обители, я сделал вывод, что Проклятие Непролазной Тупости его почему-то не коснулось...

В общем, хотя и говорят, что я болван, кретин и идиот, а смекнул я сразу: мне всучили какую-то принцессу и я должен с ней теперь куда-то идти.

Куда, спрашивается? Это я и спросил после нескольких мычащих и хрюкающих попыток.

– Что за вопрос, тролль? – удивился корягообразный. Он был бледным, что твой снег, и промокал платочком орошенный капельками пота алебастровый лоб. – Идти и жить своей, может быть, даже счастливой жизнью! Теперь ты чел... тролль семейный! Семейный.

– Ты будешь изо дня в день ковать свое семейное счастье.

Счастье.

– Судьба распорядилась так, а Его величество сдержал слово, данное при двадцати свидетелях...

Судьба.

– Так что теперь у тебя есть невеста, – заключил Горомунд. – Запомни и будь счастлив, тролль!

Королевское слово, говорят, закон, но что делать несчастному болвану и тупице, если он не желает обзаводиться женой?

И потом – мамаша сказала, что обязательно присмотрит мне невесту сама, а перечить ей...

Я промышчал нечто протестующее, чем вызвал новый всплеск воплей и стенаний.

– Забери ее отсюда! Что хочешь сделаю для тебя, благороднейший Фплиф! Только забери! – вопил и стenal король.

А ведь бедолага совсем плох, подумал я. Поглядите на него!

Заливаясь слезами, он подбежал ко мне и упал на колени:

– Забери, забери, забери!!! Проси, что хочешь взамен!

Я смутился, и мой язык опять отколол свой любимый фокус. Превратился в кусок гранита.

Что ж, я готов был помочь несчастному королю. Пусть не говорят, что тролли-де страшные бессердечные чудовища и все им до свечки.

Фплиф докажет – это неправдивая неправда!

Все ждали моего решения, а я тем временем мычал, безуспешно пытаюсь сказать очень важную вещь. Наблюдая за мной, Кромбис то бледнел, то краснел, точно его собственная мантия. Наконец при помощи жестов я показал, что было бы неплохо что-нибудь положить в рот. При этом кивал, словно дрессированная лошадь.

Уф, кажется, поняли! Издав несколько радостных криков, король и приближенные ринулись исполнять мою просьбу.

Если уж идти ночью куда глаза глядят (при плохой погоде), не помешает немного подкрепиться.

6

Наверное, я опустошил половину всех дворцовых кладовых. Королевские повара расстались и завалили специально принесенный в тронный зал стол всякой снедью. Я даже не знал, с чего начать. Либо с горы жареных перепелов, либо с целого печеного осетра длиной в мою руку.

Так меня еще нигде не принимали, скрывать не буду, а потому я не видел ничего зазорного в том, чтобы исполнить в ответ убедительную просьбу монарха. Раз теперь Бьянка моя невеста, так тому и быть.

Прожевав и проглотив десятый по счету копченый свиной окорок и запив его вином, я выпустил отрыжку. Тяжелые бархатные шторы на высоких окнах заволновались. Часть слуг, что сустились вокруг стола, упали на пол, но очень быстро поднялись на ноги. Им было не привыкать. Во время моей трапезы такое уже случалось.

Я в очередной раз извинился и утер губы рукавом. Главный королевский повар, стоявший в стороне и наблюдавший за мной большими глазами, дернул себя пальцем за воротник куртки и спросил, не желаю ли я еще чего-нибудь.

Я оглядел стол. Такой жрачки у меня отродясь не было, а в последние дни я вообще совал в рот всякую дрянь, оставаясь при этом голодным. Сосредоточившись на правильном произнесении слов, я попросил все, что здесь осталось, поместить в мой рюкзак. В дороге харч будет нелишним.

Ко мне на цыпочках подобрался король:

– Ну, готов ли отправиться ты в путь, благороднейший Фплиф?

Я рыгнул. Кромбис схватился за край стола.

– Г-г-г-готов, – ответил я. – П-п-п-по-ока-а-а-азыв-вайте св-вою п-п-п-р-ринцес-с-с-су!

– После, чуть после, – отозвался бледный Кромбис. – Мы... выдадим ее тебе за пределами городских ворот, ладно?

Я не возражал. Зачем? Обещание есть обещание.

Затем последовала некая суета. Наевшись от пуза, я стал толще и теперь решительно не мог самостоятельно протиснуться в ихние дворцовые двери. Горомунд кликнул стражу. Прибежали тридцать человек, считавшихся дюжими, и стали толкать меня в заднюю часть, чтоб я пролез хотя бы через один проем. Мы трудились над этой нелегкой задачей упорно, и у нас получилось. Дальше было еще труднее, однако стражники оказались ребятами крепкими и просто так сдаваться не хотели. Общими усилиями (ну прямо тролльская камнезаготовительная артель) мы выпихнули меня во двор. Следом приволокли рюкзак, набитый всякой всячиной.

Король выскочил наружу и сунул мне в руку пухлый кожаный кошелечек с золотыми монетами. Буркнул на прощанье: «Удачи, зятек!» – и улепетнул во дворец.

Эх, спать хочется, но придется искать ночлег в другом месте. Тут я вспомнил, что за пределами городских ворот мне должны были всучить принцессу. Так, а куда я ее положу? В рюкзаке места, кажется, больше нет. В карман? Я обследовал свою куртку. В принципе внутренний вполне подойдет. Пошарив внутри, я нашел там две обглоданные кости неизвестной принадлежности и кусок чьей-то шкуры. Стражник, видевший это, на всякий случай отодвинулся.

И что у них у всех за манера – отодвигаться? Вроде пахнет от меня не хуже, чем ото всех остальных. Уж чего-чего, а мыться я умею. Спасибо мамаше Глиббе.

Я посмотрел на небо, потому что дождь закончился. Упало несколько последних капель. Все. Духи предков, должно быть, дают мне добрый знак.

– Мы вас проводим, уважаемый тролль, – сказали трое стражников, подходя ко мне.

Я заулыбался. «Уважаемый тролль»! Вот это да! Если бы я умел писать по-настоящему, а не только руны со своим именем, то обязательно накорябал бы письмо домой и рассказал об оказанных мне почестях.

В таком же улыбатальном настроении я добрался со стражниками до городских ворот. Хотя и было мое знакомство с Ламаргом коротким, но, видно, ничего не поделаешь. Судьба. Или это, как его... Предназначение. Если верить старику, то я должен всячески не сопротивляться ему и делать еще что-то, чего, хоть тресни, не помню... Еще он лопотал о звездах, которые чего-то там сделали, про занятые места...

Я потер лоб, осознавая, что нельзя взваливать на бедного тупицу столько всего разом. От таких дум, не ровен час, может и голова заболеть.

Не думай много, говорила моя мамаша, стуча костяшками пальцев по моей макушке. Нам, троллям, это вредно.

Тут я был с ней согласен. Если ты идиот, болван и тупица, для чего тебе думать?

А насчет тролльской удачи, так найти ее – дело непростое. И долгое. И не каждому троллю по плечу такое дело.

Меня отвлек стражник. Мы стояли уже за пределами ворот, посреди участка дороги, захваченного грязными лужами.

– Уважаемый тролль, вам велено подождать здесь.

Я кивнул. В разрыве между тучами показался кусочек луны, потом другой кусочек. Потом вся она, ночная красавица.

Я стоял и глазел вверх, на небо, где туч было все меньше. И вроде бы заснул. – Спать стоя и с открытыми глазами – это весьма полезное умение. А потом меня подергали за рукав. Рядом со мной стояли трое – два стражника держали извивающийся мешок, другой обращался ко мне и все время подпрыгивал и подскакивал. Я заключил, что парень хочет по-маленькому. Еще он все время оборачивался по сторонам.

– Возьмите, уважаемый тролль. Здесь принцесса. Только убедительная просьба – не развязывайте мешок до того, как придет рассвет, – сказал стражник. – Это убедительная просьба от самого короля! И еще – идите в любом направлении от столицы, но не останавливайтесь до восхода солнца...

– А?

Мешок в руках стражников задергался как бешеный. Не думал, что принцессы умеют извиваться, подобно рыбам.

Старший стражник стал сине-зеленым (а может, лунный свет во всем виноват?) и трижды повторил мне вышесказанное.

– А! – сказал я.

Дайте троллю возможность – и он все поймет не хуже сиятельного эльфа или гнома с очумелыми ручками.

Я взял предлагаемый мне мешок с принцессой и попробовал вспомнить все эти королевские излияния. Вроде бы я не сватался к его дочери, точно помню, – так почему мне всучили Бьянку в качестве невесты? И что это вообще за сыр-бор? Зеркало еще какое-то говорящее приплели. Непонятно. Хм... Задача.

Ладно, разберемся. Король сказал идти, и я пойду. Тем более что дождя уже нет.

Пока я шевелил скудными тролльскими извилинами, стражники ушмыгнули и успели запереть створки ворот. Мешок в моей руке задергался опять, и из него послышались какие-то звуки. Я поднес свой презент к уху, но ничего путного не разобрал.

Оставалось решить, куда положить принцессу. Во внутренний карман, как выяснилось, она не влезет, в карманы штанов тем паче, а рюкзак забит провизией. Подумав, я положил мешок на правое плечо. Принцессе, видимо, это не понравилось. В результате своих рыбьих

извиваний она чуть не свалилась в лужу. Пришлось придерживать рукой. Шевелиться мешок прекратил лишь через три часа, когда я был уже далеко от Ламарга.

7

Верный данному слову, я топал до самого рассвета. О том, куда именно направляюсь, почти и не думал. Мне и раньше все было по бубну, как говорит один из моих братьев, а сейчас и подавно. С другой стороны, меня одолевала досада, что не успел я спросить у короля насчет медали! Когда еще свидеться придется? Может быть, и никогда.

Утро накатило из-за небольшой горной гряды, солнце выскочило из-за скальных вершин и начало резвиться словно сумасшедшее. Птички запели, заголосили, веселенько так зашуршала листва. Белки и прочая живность отправились на прогулку, наблюдая за мной со всех сторон. Удивлялись, наверное. Может быть, в здешних краях сроду не бывало троллей.

И вот тут, выйдя на небольшую красивую полянку, возле которой протекал ручей, я подумал: а может, принцесса вручит мне медаль? Вдруг у нее в кармане найдется какая-нибудь завалящая? Не обязательно даже золотую, бронзовая тоже сойдет. На худой конец, дубовая. Ведь, по-моему, главное внимание, а не сам подарок. Мамаша как-то говорила мне: тролль должен обладать скромностью – когда ничем другим обладать не выходит...

Оглядевшись, я снял с плеча мешок с принцессой и положил его на мягкую, еще влажную от росы траву. Ни одного шевеления со стороны моей невесты не наблюдалось.

Ставив рюкзак, я бросил его рядом. Из него доносился запах королевского харча, и этот запах разбудил во мне зверский аппетит. Можно поститься неделями, и хоть бы хны, вот в чем штука. Но, когда начнешь есть, да еще не абы что, только держись – утроба становится ненасытной. Прямо беда с ней.

Вынув нож из-за голенища, я разрезал кожаный шнурок, которым во дворце завязали тару для принцессы. Сунул руку внутрь и вытянул содержимое мешка наружу.

Ох и странно все это было. Я предпочитал не задумываться над нелепыми коллизиями, но они так и лезли мне в мою бедную тупую башку. Все у меня там внутри перепуталось. И, главное, я не знал, чего мне теперь с этой принцессой делать.

Ее связали по рукам и ногам, туго, отчего она стала походить на гусеницу. Я так думаю, сделали это в целях ее же безопасности. Рот заткнули тряпкой и еще для верности перевязали лентой.

Я глазел в оба глаза.

Принцесса была в длинном розовом платье, вроде бы даже нарядном, и туфельках. Белокurые волосы, похожие на золото, растрепались, точно пук соломы.

Я рассматривал принцессу Бьянку долго и не мог понять, отчего впал в такой ступор. Вроде как столбняк меня прихватил.

О-го-го, думаю, это, значит, и есть моя невеста, дочь короля Баркарии?

Бьянка дышала. Я проверил. Значит, у нее обморок или глубокий сон. Или все разом. Хотя мешок был с дырками для дыхания, но коробочка-то весьма тесная. До чего же она могла довести уважаемого родителя и дворцовую челядь, что ее без раздумий сунули в мешок и отправили подальше? Разве может такое красивое существо быть алым и капризным?

Я уже начал подозревать, что надо мной просто подшутили. Ну ясно – приперся в столицу здоровенный увалень из глухомани, явно не страдающий избытком ума, идиот, так давайте над ним посмеемся!

Но тогда и сама принцесса должна участвовать в шутке, разве нет? Иначе для чего бы она добровольно полезла в мешок?

Обалдев от размышлений, я добрался до ручья, чтобы немного освежиться, и посмотрелся в него. На меня смотрела моя дрожащая от водяной ряби физиономия – широкая, с большим ртом, приплюснутой головой, с ежиком темно-рыжих волос. Нос-картошка с двумя дырками и малюсенькой бородавкой. Шея у меня богатырская, короткая и толстая, а плечи

широченные, на них я по два бревна положить могу, легко. По словам мамыши, я очень похож на своего легендарного деда – Дубоба Горосверта, известного тем, что, упившись браги, он однажды снес гору Адватру, приняв ее за гигантского дракона. Гора была большой. После столкновения с моим дедом от нее остались только обломки, а дед еще неделю страдал похмельем и лечил синяки, которые наставила ему за этикие выкрутасы моя бабуля.

И вот эту физиономию, доставшуюся мне в наследство от Горосверта, я омыл ледяной ручейной водой. Несколько раз, чтобы скинуть напелзавшую дрему и совершить утренний гигиенический ритуал.

Будь я не таким тупым, я бы догадался разрезать путы принцессы раньше, чем пошел к воде, но не догадался.

Пока я совершал утреннее омовение, Бьянка пришла в себя и принялась мычать. Я повернулся к ней. Принцесса прекратила извиваться и уставилась на меня своими голубыми глазами. Волосы ее стали дыбом, не вру, а лицо, и так бледное, побелело до снежного оттенка.

Говорят, тролли бессердечные монстры, но это враки. Мое большое сердце в тот момент ёкнуло, да так, что чуть не разорвалось от жалости.

Стараясь быть самым вежливым троллем, я поздоровался с невестой. Правда, получилось это лишь с третьего раза, но я же старался, честное слово...

Принцесса тем временем вопила, хотя из-за кляпа крик почти целиком оставался у бедняжки во рту.

Я понял, что надо что-то сделать, и шагнул к Бьянке. Та замерла, ожидая чего-то нехорошего. Ее глазки наблюдали за каждым моим движением. Особенно они цеплялись к ножу, который приблизился к ее путам и стал их разрезать.

Последним я вытащил кляп.

– Ды-ды-ды-ды-ды об-брое ут-тр-ро, – снова поздоровался я, улыбаясь во всю ширь.

Принцесса вскочила на ноги, и в следующий миг я услышал такой крик, какого мне еще в жизни слышать не доводилось.

Это, скажу я вам, было нечто! В уши мне словно две здоровенные иголки воткнули. Я повалился на спину. В мозгах будто пронеслось стадо бешеных мамонтов, и заломило виски, как бывает с большого бодуна.

Птички, сидевшие на деревьях вокруг полянки, попадали в траву, то же самое случилось с летающими насекомыми. К пораженным принцессиным голосом присоединились пара белок и несчастный бурундук, заглянувший поутру на огонек. Все они пали в неравном бою с обстоятельствами, а тролль Фплиф выжил лишь благодаря своей природной крепости и выдержке, что досталась ему в наследство от предков.

Но подрожать от чего-то похожего на страх мне все-таки довелось. Ну зачем, скажите на милость, так кричать? Почему люди все такие неадекватные? Лично я не виноват, что нервишки у них никуда не годятся, это я кому хочешь заявлю официально. По-моему, лучше нормально сесть и поговорить о том о сем, обсудить накопившиеся проблемы, чем вот так, по-психическому...

Я тряхнул головой и сел. Принцесса валялась на траве, раскинув руки, и очень походила на мертвую. Что твоя лиса из сказки. Так, подберемся ближе, посмотрим. Хвала предкам, дышит!

Что дальше?

Я прочистил уши, и – к счастью – оказалось, что они в рабочем состоянии. Внимать божественным звукам природы, однако, я не мог. Лес притих. Птички не желали искушать судьбу и держали клювики на замке. Даже ручеек притворился, что он – не он, и журчал еле-еле, словно опасаясь взбучки. Вот как перепугала мирную округу моя невеста.

В этот миг она пришла в себя, и все повторилось, за исключением крика. Видимо, на это сил у бедняжки уже не хватило.

Глядя на неподвижную девицу, я скреб в затылке. Лежит себе в обмороке и ни о чем не думает – хорошо ей. Золотисто-желтая бабочка покружила над ее головой и опустилась принцессе на нос. Никакой реакции. Я вздохнул, понимая какой-то маленькой частью своих мозгов, что невеста – приобретение не очень ценное. Скорее хлопотное.

Чтобы не терять даром времени, я улегся на траву пузом кверху и решил подремать. Дрема явилась незамедлительно, однако вскоре я услышал, как принцесса встала, что-то пискнула и... вновь погрузилась в свое девичье забытие. Должно быть, в Баркарии она была чемпионкой по части обмороков.

Вскоре мой организм уже требовал настоящего сна, и я отдался в объятия Морфея. Все равно принцесса не освободится раньше вечера. Когда женщина чем-то занята, это надолго.

Сколько мне удалось поспать, неизвестно, но в один прекрасный момент я почувствовал, как что-то ударилось о мой лоб.

Открыв один глаз, я поглядел в сторону принцессы. Та уже была в состоянии держаться на ногах и предпринимать какие-нибудь действия. И предпринимала. Рядом со мной валялась ее туфелька. Вторую девица держала в правой руке.

По выражению лица Бьянки было ясно: она пустит оружие в ход незамедлительно.

– А ну, ты, держись подальше! Сиди там, понял! Сиди! – сказала принцесса, грозя мне обувкой.

Я сел, держась подальше, и зевнул. Бьянка что-то пропищала.

Ну хорошо, она боится. Это я наконец понял. Маленькие существа нередко приходят в ужас от больших, особенно тупых, злобных и уродливых троллей. Ладно. Мне по большому счету все равно.

Так почему же она не сбежала, пока я дрых?

– Не приближайся! – произнесла Бьянка мышинным голоском.

Я мотнул головой. Мол, очень мне надо приближаться.

Принцесса переминалась с ноги на ногу и бросала взгляды по сторонам, как будто искала поблизости других троллей.

– Кто ты такой? Ты похитил меня из дворца, да? Ну-ка отвечай!

Для устрашения Бьянка выставила туфельку в мою сторону. Я подобрал первую, что недавно стукнулась о мой лоб, и бросил ей. Теперь у Бьянки было два оружия.

– Чего молчишь, чудовище! Говори! Знаешь, кто я? Я! Я!

Ее голубые глазки выбросили сноп самого настоящего пламени. Так, глядишь, она и лес спалит. Покраснев от злости, принцесса топнула ногой.

– Ах ты, паршивый увалень! Негодяй! Разбойник! Тролля башка – ты ведь тролль, да?! Как ты посмел! Отвечай!

Я поднял руку: хотел, чтобы она остановилась. Рассвирепела королевская дочка, сразу видно. Хорошо, дым из ушей не валит.

Теперь вот попробуй объяснить ей, что произошло, когда я сам не понимаю и половины! В толк не возьму, почему именно я должен был сделаться женихом этой злоки. Целый час Горомунд и другие втолковывали это мне, но как-то путано. К утру основная часть подробностей выпала из моей черепушки.

– Сейчас я в тебя кину этим! – крикнула Бьянка и замахнулась туфелькой. Снаряд пролетел рядом с моим носом, в то время как я размышлял, с чего начать. Трудная задача.

– Э... – произнес я.

Вторая туфелька просвистела возле правого уха. Раздосадованная, что не попала, девица издала громкий вопль и подпрыгнула на фут или даже два. Затем она показала себя в качестве превосходного знатока всевозможных ругательств, что было, по моему тролльскому мнению, для принцессы весьма необычным. С другой стороны, раньше я о королевских дочках ничего

не знал (и сейчас не особенно продвинулся), – вдруг они все такие? Образование – это не шуточка в деле!

Я снова издал пару звуков, и мне наконец удалось произнести следующее:

– Я не разбойник! Меня зовут Фплиф!

Невероятно! Так быстро и так складно у меня еще ни разу в жизни не выходило. Я открыл рот от изумлени.

– Чего? – завопила принцесса. – Не разбойник? Как это не разбойник? А кто? Безобидная овечка? Ягненок? Ты себя в зеркале-то видал? Негодяй! Чудовище! Я тебя...

Она не сумела придумать, чего она меня, и задохнулась от злости. Я пропустил половину воплей мимо ушей, потому что просто не успевал соображать, а Бьянка, отдохнув, заорала с новой силой. Принцессе не терпелось броситься в драку, но тот факт, что я чудовище, останавливал ее воинственную натуру. Пока останавливал. Не исключено, что девица меня все-таки отколошматит.

В какой-то момент принцесса испарилась. Вероятно, взялась за ум и сбежала обратно во дворец, в объятия любящего отца...

Не успел я представить себе сцену воссоединения семьи, как Бьянка появилась вновь. С воинственным воплем она выскочила из леса и, придерживая одной рукой подол розового платья, а другой сжимая длинную кривую палку, бросилась в атаку.

Правда, я не сразу понял, что это была атака. Добежав до меня, Бьянка треснулась о мое туловище и отлетела в траву, перевернувшись несколько раз через голову.

Очень даже может быть, что ее родитель не ошибался. Сейчас в моей черепушке что-то шевельнулось. Принцесса всех забодала, до самых печенок, и именно поэтому ее спланили первому попавшемуся путнику, который вошел в город. Путником оказался я.

Угу, теперь, кажется, многое встает на свои места.

Я почесал нос. Кажется, туда меня укусил комар.

«Йааааа!!!»

Бьянка опять врезалась в мое бедро и отлетела в сторону. «Шмяк!» Ноги принцессы взметнулись к небу и опали. Ну дела!

Я поднял ее оружие и поковырялся им в зубах, там как раз застряла маленькая мясинка.

Сев, Бьянка откинула волосы со лба. Бедняжка выбилась из сил – и немудрено. Как в таком тельце только дух держится!

Ее взгляд долгое время блуждал, а я ждал, подбирая нужные слова.

– Скажи наконец, как тебе удалось выкрасть меня из дворца? – спросила Бьянка. – Неужели стража могла тебя не заметить, такого громилу?

Я ответил, что все наоборот, меня туда позвали, как только я постучал в городские ворота.

– Позвали? – вытаращила глаза принцесса. – Тупой идиот, чего ты себе там придумал?

Я вздохнул. Как все-таки трудно бывает объяснить кому-то простые вещи!

Я приложил все усилия, чтобы донести до Бьянки события этой ночи. Взмок, словно губка, изошел слюнями (опять проклятый язык не слушался), но вроде получилось.

После этого на принцессу стало страшно смотреть. Я даже подумал, не заболела ли она.

– Значит, ты... значит, я... значит, они... аааа... значит... значит... поверить не могу...

Я вовсе перестал понимать, о чем она лопочет.

– Они, он... негодя... папаша! Ах мерз... твари позорные! Немыслимо!.. – Девица сжала кулачки, из ее глаз хлынул самый настоящий поток слез.

Схватив ту самую боевую палку, Бьянка набросилась на ближайший кустарник. Я поморщился, глядя, как прекрасное существо с золотистыми волосами дубасит ни в чем не повинные заросли. Трещали ветки, во все стороны летели разорванные листья. Во время экзекуции Бьянка визжала и выла, точно неупокоившийся дух, а потом отшвырнула от себя оружие и

кинулась на траву. Визг не прекращался. Принцесса дрыгала ногами и стучала по земле кулачками, но ничего не менялось. Может быть, она думала, что ее услышит с такого расстояния отец-король? Хотя я и тупой, но сомневаюсь, что это возможно.

Я решил, что пришло время перекусить. Ото всех этих рассусоливаний у меня уже давно зверски урчало в животе и сводило челюсти. Раскрыл рюкзак. Что мы имеем? Вынув кусок бумаги, пропитанной жиром, я развернул его и увидел несколько кусков большой копченой рыбы. По поляне распространился запах. Я втянул воздух ноздрями, облизываясь. Наблюдая за представлением, устроенным принцессой, я не спеша закусывал.

Кромбис говорил вроде бы, что принцесса должна запеть. Однако не пела. Издаваемые ею вопли (в процессе диких прыжков по полянке) не походили на песню даже по тупым тролльским стандартам.

Отыскав в рюкзаке жбанчик с красным вином, я прихлебнул из него и почувствовал, что мне хорошо.

Солнце взобралось уже достаточно высоко, высушило траву и стало пригревать. Я жмурился от удовольствия, хотя и сожалел о крушении своей мечты. По всей видимости, принцесса не захватила с собой ни одной медали. Да и карманов, как я успел заметить, на ее платье не было.

Внезапно стало тихо. Я удивился и посмотрел в сторону Бьянки.

Она сидела на траве, обхватив колени руками, и плакала. Волосы закрыли лицо. Тут мне стало совсем неловко. Нехорошо получается. Что мне теперь делать? Вот когда в детстве я начинал хныкать, мамаша давала мне по заднице специальной вицей, отчего всякое желание кукиться пропадало. Тогда сыночек Глиббы становился вновь бодрым и веселым... Оглядевшись в поисках подходящей ветки, я, впрочем, засомневался. И даже струхнул. Самый чуток. Стало ясно, что шарахнуть по принцессиной попе вичкой я не смогу.

Все, до чего доперли мои ущербные мозги, так это взять кусок жареного мяса с куском хлеба и протянуть их несчастной Бьянке.

– Сы-сы-сы-сы-сы... сы... съ-е-е-шь! – выдавил я, улыбаясь.

Принцесса сначала отпрянула от меня, попыталась отползти. Босые ножки заскользили пятками по траве. Глаза у нее были мокрые, щеки тоже. Нос покраснел.

Я угукнул, кивая на жрачку. Все-таки королевские кухари готовили. Принцесса покосилась на мою здоровенную ручищу (у-у, какая же она была большая в сравнении с ее рукой) и взяла угощение.

Как говорила моя мамаша: только идиот из идиотов отказывается от предложенного харча, если он бесплатный.

8

– Тролль! Значит, теперь ты мой жених?

В который раз она задавала этот вопрос? Я даже не пробовал считать, все равно дальше десяти не умею.

Костер весело потрескивал, а я ковырялся в нем суковатой палкой.

Мы сидели друг напротив друга. Выпрыгивающие из огня искры ярко вспыхивали. Смеркалось.

– Тролль, – проворчала Бьянка, постукивая палкой по полену, что торчало из костра. – Тролль. О боги! Здоровенный, квадратный громила, низколобый, шея что у быка, а уж морда, морда одна чего стоит, просто сил моих никаких нет! И отец отдал меня ему. Такие дела... Ну и папаша, ну только дай мне возможность добраться до тебя...

Зудеть она любила. Мы просидели на полянке весь день, а принцесса так ни разу и не закрыла рот. Как только пришла в себя, так и начала – жжжжжжж!

– У меня была целая армия женихов. И каких! Самых что ни на есть лучших, каждый из них готов был идти за мной на край света, защищать от чудовищ и привидений, от разбойников и всякого рода иных негодяев. Ты себе представить не можешь, монстр, какие это были женихи! Пробы негде ставить... В смысле, что круче некуда.

Я ковырялся палкой в углях. О чем я думал? Ни о чем. Надоело. Надумался за эту ночь и утро.

– Билимгор из Фарсмелота предлагал мне жить на берегу Хрустального озера в замке, построенном из морских кораллов нежно-розового цвета, которые привезли за две тысячи миль. Замок из самого дорогого сорта коралла! А Твайвулк? Он вообще сказал, что у него дворец парит в воздухе и не касается земли – его поддерживают особые чары, за которые он выложил знаменитому волшебнику огромные деньги...

Вот так, бывало, мы, маленькие тролльчики, сядем на пол возле камина, а в комнате темно, только угли мерцают. И слушаем. Глибба сидит в прочном дубовом кресле и рассказывает нам сказки. За окном в это время зима, стужа, метель метет, а нам уютно. Когда тебя целый день воспитывают по-тролльски, да так, что ночь напролет охаешь, вспоминая все воспитательные тычки и затрещины, редкие минуты такого счастья ценишь по-особенному...

Даже тупым и злобным троллям доводится побыть маленькими. Проверено на собственном опыте, поэтому можете мне верить.

– ...Зерендей показывал мне карту своего королевства. Оно стоит в заливе Свиркелай на сваях, отлитых из чистого золота, тролль! Целое королевство! А само оно сделано из вкуснейшего зефира, который можно есть... Кажется, Дифиликко Пятый предлагал мне исполнить любые три желания, потому что свадебным подарком к нашей свадьбе мог стать самый могущественный джинн во вселенной! И это только то, что я могу вспомнить навскидку, чудовище! Это я, которая купалась в роскоши, носила шелка, принимала ванны на отварах редчайших трав, чтобы кожа была нежной и никогда не старела. У меня была куча слуг и служанок, которые исполняли любые мои желания. Игрушки! Тролль, ты знаешь, что такое игрушки?

Я кивнул. Знаю. Это когда тебе из дедулиной палки вырезают палку поменьше и отправляют вместе с другими мальчишками колошматить обнаглевших дракорогов, наскაკивающих на деревню по ночам. Или когда находишь на берегу реки красивую гальку и думаешь, что это тролль, который отправляется в большое приключение.

Интересно, есть ли у принцессы палка от дракорогов?

– Игрушки со всего мира. От самых прославленных мастеров! От самых прославленных и известных гномьих цехов! Ты себе и представить не можешь! Ну, чего молчишь?

Я посмотрел на нее. Голубые глаза принцессы наполнились алым отблеском костра. Ее высочество (так она сказала мне ее величать) снова впадала в гнев.

– Мало того что ты тупее, чем куча свиного навоза, так еще и заика! Что мне за наказание! Я с ума сойду! Скажи хоть что-нибудь! Это приказ!

Я скребанул подбородок. Почему даже те, кто знает, что я не мастак разговаривать, заставляют меня это делать? Почему страдающий от Проклятия тупица должен исполнять их желания? Ведь он не джинн какой-нибудь.

Я краснел и сопел, но ничего мне на ум не приходило. Бьянка шлепнула себя по колену и встала:

– Маленький ты, однако, костер развел, тролль. Долго будешь жарить. Ну, так я готова! Раз судьба моя такая, то...

Мы встретились взглядами. Понадобилось время, чтобы до меня дошло. Ну, дошло-то дошло, а о чем это она?

– Ну, чего уставился? Раздеться? Эээ... Извини, не могу. Я стыдливая... кажется... Со стыда умру, как пить дать. Так что давай.

Она зажмурилась и стояла, словно столб, чего-то ожидая.

Я слишком долго формулировал свой вопрос. Бьянка открыла глаза и фыркнула:

– Ну, чего тянешь-то?

Я ничего вроде бы не тянул, даже кота рядом не было. Так я ей и сказал.

– Так ты не собираешься меня есть? – удивилась принцесса. Очень и очень правдиво.

– Н-нет, – ответил я.

С чего это она взяла?

Бьянка взмахнула руками, точно пыталась взлететь.

– Ты ведь тролль, так?

Я кивнул, сунув указательный палец в нос.

– А троллям полагается питаться человечинкой, это в любой книжке написано! И раз ты тролль, ты должен меня съесть, обглодать все косточки и высосать из них мозг. Я читала про это!

Я мало что понял. Почему я должен кого-то съедать и высасывать мозг? Гадость какая! И, кстати, что такое «книжка»?

– Невероятно! Мало того что мне попался тупица непролазный, мужлан, так он еще и не людоед! – возмутилась принцесса. – Безобразие! Чем я хуже других, которых похищают и которые становятся обедом для кровожадного чудовища...

По-моему, я ни разу не намекал ей на свои кулинарные пристрастия. Да и потом – я лично не слышал о том, чтобы тролли ели людей. Ну зверей там разных – кабанов, быков, медведей, лосей, оленей, косуль, – это да, но люди! Даже самый толстый из них, пожалуй, годится только для разжигания аппетита, но не для его удовлетворения.

Бьянка тем временем продолжала кипятииться. Не в силах устоять на месте, она носилась по поляне и пугала подступающую ночь.

Я протянул руку к своей невесте, намереваясь прекратить эти блуждания, но Бьянка с визгом отпрыгнула:

– Ага! Ты все-таки собираешься съесть меня! – В мою сторону вытянулся указательный палец. – Все! Я тебя разоблачила... Ты притворяешься! Все!

Я, как мог, объяснил ей, чтобы перестала вопить. Чего доброго, разбудит что-нибудь такое – лесное и опасное. Бьянка слушала мое фырканье, сопение и получающиеся в результате малоубедительные слова. Потом уткнула ручки в бока и расхохоталась.

– Ой, ой, ой! Тролль боится лесных привидений! Mamочки родные! Ты, страшилище несусветное, будешь мне лапшу на уши вешать! Не выйдет, дорогой мой... – Принцесса веселилась, подсакивая на одной ножке.

Я закусил губу, стараясь уследить за ее болтовней. Было трудно.

– Со мной этот номер не пройдет... Ты сказал, что не людоед, но я знаю, что людоед! Книжки не врут, они, между прочим, денег стоят, а потому врать не могут. Была бы у меня хоть одна из них, я бы тебе показала картинку, как тролль убивает несчастную принцессу! Мерзавец и негодяй воспользовался тем, что бедняжка упала при виде его в обморок! А он, мужлан, взял и-и-и-и... В общем, не осталось от принцессы ни рожек, ни ножек! И со мной ты хочешь сделать то же самое, чудовище! Подождать, когда я отвернусь, потом садануть дубиной по макушке – и алле-гоп!

Я схватился за голову. От этого дребезжания у меня разболелись виски.

– А ты и рад был, когда тебе всучили невесту! Конечно, куда тебе любовь, с твоей-то мордой, куда! Ты только о своем брюхе и беспокоишься! А на чувства бедной девушки... нда... в общем, я тебя вывела на чистую воду!

Вода! Я вспомнил про ручей, который протекал неподалеку от полянки. К чему бы это?

– Вот посмотришь, найдет меня храбрый и самый отважный из всех отважных принцев и вызовет тебя на бой, чтобы меня освободить. Отрубят он мечом твою тупую башку и присобачит на стенку в качестве трофея. А потом он меня освободит, и мы поженимся, понял, вот так! И будем долго и счастливо... жить! И не надо мне ни тебя, ни папаши моего, ни мамыши, которая сбрендила... ни волшебниц, которые чего-то там мне предрекали, видите ли, ни ваших государственных обязанностей. И на всю вашу матримониальность мне чихать с самой высокой башни самого высоченного из всех замковых замков!

Какой-то злой чародей поселил в моей голове пару сотен гномиков с молотками. Гномики эти неустанно молотили по моим бедным мозгам и пели какую-то дурацкую песню. Потом я понял, что это не песня гномиков, а сводящее с ума жужжание принцессы.

Однажды мамаша рассказывала нам с братьями сказку. Жили-были тролли, никого, понимаешь, не трогали, и вот однажды стали пропадать жители тролльской деревни. Находили их съеденными, ибо поселилось рядом с честными тружениками чудовище. Собрались тогда самые сильные и храбрые тролли и пошли в пещеру, чтобы пристукнуть монстра, а как подобрались к пещере, увидели, что из нее выбралась Принцесса. Рот с зубами величиной с добрый меч, глаза сверкают, волосы дыбом, на пальцах когти что твои серпы. Как зарычит Принцесса: «Вот и свежее мясо пришло!!!» – да как бросится на троллей...

На целых две минуты меня обуял ужас! А вдруг моя принцесса точно такая же (или та же самая)? Тогда с нее станется прямо сейчас напасть на меня и сожрать. Вполне возможно, она замаскировала свои зубищи и когти, чтобы выпустить их в самый неожиданный момент! Найдут мои косточки потом и скажут: пропал Фплиф – Принцесса добралась до него...

– Я хочу домой, в теплую постель, хочу нормально поужинать, за столом, при свечах и горящем камине и чтобы слуг было не меньше десятка... Тролль! Отнеси меня домой, где взял! Я даже не буду за дерзость приказывать отрубить тебе голову... Никаких голов – просто отнеси меня на место! Слышишь? Иначе, когда придет рыцарь, я не буду говорить, чтобы он прибил тебя милосердно, о нет, он прибьет тебя... он тебя очень больно прибьет – злостно и цинично, как ты того заслуживаешь! И вообще, дома у меня остался мой любимый плюшевый медвежонок, а эти негодяи даже не дали мне его с собой! Оххх, как я зла! Как я зла! Только дайте мне чего-нибудь тяжелое, я сама пойду и разнесу дворец к гоблиновой бабушке! О, не сомневайтесь! Я это сделаю, они все у меня уже в печенках сидят со своими предназначениями, Светлым Будущим королевства и прочим! А папуля, вот папуля... Эй, ты, чего делаешь! Эй, чудовище! Ааааа!

Вот ведь не зря говорят у нас в деревне: «Погода была прекрасная – принцесса была ужасная!» Водя знакомство с Бьянкой всего полдня, я начинал чувствовать, что моя несчастная шкура скоро просто треснет по швам...

Сил моих больше не было слушать ее вопли, просто никаких сил. Увлечшись, Бьянка даже не заметила, что я встал и шагнул к ней, намереваясь покончить с этим безобразием. Разглагольствуя, принцесса заметила меня рядом с собой, только когда дошла до момента папули.

Убежать у нее не получилось. Я схватил ее поперек талии – узенькой, как зубочистка, – и поднял в воздух. Принцесса завизжала, окончательно перепугав лес на несколько миль вокруг.

Я сморщился, но стерпел, а потом воздел это золотоволосое существо над головой.

Бьянка лишь успела пропищать что-то насчет того, что она сделает для меня все-все-все и все, только бы я не ел ее и не швырял со всей дури об землю. Я не сделал ни того ни другого – просто запустил девицу в сторону ручья, несильно так. Описав высокую дугу, издавая пронзительное «Ааааа», Бьянка шлепнулась в холодную воду.

Плеск, который получился в результате, был мне гораздо приятнее на слух, чем девичьи вопли.

Хрюкая, фыркая, сопя и хрипя, Бьянка возилась на мелководье. Ей удалось сесть, и теперь она хватала разинутым ртом воздух и смотрела на мир выпученными глазами. Она не могла поверить в то, что произошло. Не будь я таким тупым, я бы сказал, что никто и никогда не бросал ее в холодную воду. За все семнадцать лет.

Но я ничего не сказал. Я снова захотел чего-нибудь перекусить и выпить. Я был счастлив уже тем, что брюзжание прекратилось, хотя бы на время.

9

Бьянка сидела возле костра и молчала. Надулась словно мышь на крупу. Платье ее промокло насквозь и даже в сухом виде не предназначалось для того, чтобы ночевать в лесу под открытым небом.

Принцесса дрожала. Сотрясалась дрожью, я бы сказал. Словно ее посадили на сковородку и принялись встряхивать.

Я показал ей деревянную тарелку с кусками жареного мяса. Бьянка мотнула головой. Ее взгляд был повелительным. А может быть, злобным. Или обиженным до невозможности. Думаю, в нем таилось все сразу.

Если подумать, то никто не обрадовался бы, швырни его в холодную воду.

– Н-над-д-до ес-с-с-сть, – сказал я.

– Сам жри! – огрызнулась моя невеста. – Чтоб ты лопнул!

Я поглядел на рюкзак и прикинул. Нет, того, что там осталось, не хватит, чтобы я лопнул. Об этом я и сообщил Бьянке.

– Ну и идиот же ты! – прошипела она в ответ.

Это не новость.

Я сделал пару глоточков вина. Принцесса отвернулась, подставив костру спину. Но дрожать не перестала. Я слышал, как стучат ее зубы.

– Я тебе этого никогда не прощу, – проворчала Бьянка. – Будет твоя башка висеть в нашем с рыцарем доме. Над камином... На почетном месте!

Под моими зубами затрещала кость. Я высосал мозг и выплюнул обломки в костер. Принцесса вздрогнула, втянула голову в плечи.

Ночь становилась прохладней. Лето есть лето, но все равно, предгорья с наступлением темноты не располагают к беззаботной неге.

Стоило подумать, нет ли другого способа остудить пыл разозленной красотки. Скорее всего, нет. Для этого нужны настоящие мозги.

Бьянка пробовала высушить волосы. Один раз слишком близко наклонилась над костром, и они начали тлеть. Запахло паленым. Принцесса потушила горящие волосы хлопками, закашлялась от дыма, проклиная все на свете.

Я наблюдал за этим со смешанными чувствами. Если бы она не была такой вредной и если бы у меня от ее трескотни не разболелась голова, не пришлось бы прибегать к водным процедурам. По всему ясно, что с девицами (особенно с принцессами) так обращаться не следует. По уму-то надо извиниться и пообещать больше так не делать... Но это по уму, которого у меня отродясь не бывало.

И потом – что-то мешало мне открыть рот. Какой-то тролль, который поселился внутри меня. Он шептал, что злюка это заслужила и извиняться не надо...

Наверное, сказки о принцессах не такие уж и враки. Нет у них ни зубов, ни когтей, но характер будь здоров, очень опасный для окружающих. Вон, даже родители ее съехали с катушек, так чего говорить о других?

Мы сидели примерно до двух часов ночи.

– Эй, тролль, – зафырчала принцесса, когда я стал клевать носом. – Дай мне что-нибудь!

– А?

– Дай мне что-нибудь! Да нет, не жратвы твоей дурацкой. Набросить на себя! Ты настолько туп, что не догадался мне ничего предложить!.. Женишок выискался...

Я хлопал глазами, пока Бьянка не повторила три раза. Тогда я понял – она хочет снять мокрое, но завернуться во что-нибудь другое, чтобы не замерзнуть. Ого! Я и не думал, что это понадобится. Кроме еды принцессам, оказывается, нужно и кое-что еще.

Тут я зашел в тупик. Мой скарб, сложенный в рюкзаке, не мог похвастаться обилием женских платьев. Тем более платьев для людей. Насколько я помню, там не было ни одного.

– Я сама посмотрю! – предложила Бьянка, подбираясь к рюкзаку.

Я кивнул. Снова разворчавшись, принцесса забралась в мою поклажу. Чтобы добраться до вещей, надо было сначала убрать сверху всю еду, чем она и занималась с таким выражением на лице, словно ее заставили погладить крысу.

Подозреваю, что ничего подобного она отродясь не делала. Не готовила пищу, не стирала, не шила. Только ела, надевала и носила.

– П-п-п-п-по-чем-м-му т-ты н-не убеж-ж-жала? – спросил я. – Я... я с-с-сп-а-ал...

– Убежала? Почему не убежала? Еще чего! – ответила Бьянка. – Ты приволок меня невесту куда, к единорогу на рог, напугал до смерти, а я должна убежать?

По-моему, да, подумал я.

– Я никогда не выезжала за пределы Ламарга, тролль. Куда я отправлюсь одна в лесу? Ты, видать, совсем ку-ку!

В чем-то она явно права. Это и понятно. На людях не лежит Проклятие Непролазной Тупости.

Поглядев на меня с подозрением и сунув голову в рюкзак, принцесса принялась шарить там в поисках какой-нибудь одежды. Вышвырнув на траву запасные шерстяные носки, огниво, котелок, моток веревки, кусок мыла, расческу и другую мелочовку, потребную в походе (включая большие трусы в мелкого дракончика; тут я зарделся, словно помидор, а принцесса цокнула и покачала головой), Бьянка выволокла свернутое в тугой валик одеяло.

– Я возьму это! И не смей спорить, не то... – Она не сумела придумать, что именно.

Я повел плечами. Пусть берет, лишь бы прекратила зудеть.

Бьянка развязала шнурок, развернула одеяло и крикнула. В него можно было завернуть не меньше двадцати таких же худышек, да еще для кошки место останется.

– То, что надо, – сказала девица, содрогаясь от ночного ветра. – Бррр!

Мне стало интересно, что будет дальше. Я понятия не имел, каким образом принцесса собирается использовать мое одеяло (кстати, настоящее тролльское, из толстой ячьей шерсти), а значит, надо было посмотреть.

– Отвернись! – потребовала Бьянка, воззрившись на меня.

Я не отвернулся, соображая.

– Мне надо раздеться, не понимаешь, что ли?

Нет. Зачем ей раздеваться?

– О-о-о! Я сейчас лопну! Слушай, дубина, мне надо снять вот это мокрое! Иначе я простужусь и помру! Хочешь, чтобы я померла?

Я не хотел.

– Значит, отвернись! Издеватель, изверг! Швырнул несчастную девушку в воду, чтобы посмотреть, как долго она протянет после этого? Ну ты вообще! Нет, надо тебе все-таки башку оторвать, надо!..

Чего она привязалась к моей голове? Голова как голова, ничего особенного. У каждого тролля такая есть.

– Отвернись, отвернись, отвернись, отвернись! – протараторила Бьянка, топая ножками по траве.

Ну ладно. Видимо, она не уgomонится, пока я не выполню ее приказ. В конце концов, от меня не убудет, а Ее высочество успокоится.

Кстати, давно пора спать.

Повернувшись спиной к костру, я потянулся и лег на левый бок. Смотреть, видимо, больше не на что. Рот мой разодрала зевота, веки точно склеились. В тот же миг меня посетил Песочный Тролль и насыпал мне в глаза своего магического порошка.

Спи, Фплиф, спи! Утро вечера мудренее!
Позабыв о капризной принцессе, я задрых.

10

Во сне очень сильно пахло горелым. Я недовольно заворчал, пробуя перевернуться на другой бок, но, прежде чем мне это удалось, запах усилился. Защищало в носу.

Творилось что-то непонятное. Одно из двух – либо во сне, либо наяву.

Было еще темно, когда я открыл глаза. То есть темно с той стороны, куда была повернута моя физиономия, а за спиной очень даже светло. Я подумал, что принцесса решила подкинуть в костер дровишек, чтобы согреться, однако запах, плывший по поляне, был из другого разряда.

Я сел, еще ничего не понимая. Мы, тролли, тугодумы, если кто еще не понял. Определенное время требуется нам на то, чтобы осознать факт собственного пробуждения, потом вспомнить, что собирался делать, потом пойти умыться... Я еще не добрался до того момента, когда приходит полнейшее осознание того, что сон закончился, когда услышал вопль.

Ну поворачиваюсь, поворачиваюсь.

Кричала принцесса. В моей руке появился нож – кто знает, может, в этих лесах живут принцессолюбивые разбойничий. Ну тогда я им...

Разбойников не было. Бьянка – вот она – носится вокруг костра и визжит, указывая на что-то, что растянуто над огнем на двух палках и полыхает синим пламенем.

Нечто и распространяло противный запах. Горящего тряпья.

– Горит! Оно горит! – наконец обрела дар речи Бьянка, указывая на свое платье, развешенное над костром.

Я посмотрел. Там было не только платье, а еще что-то. Типа какие-то штанишки, рубашка, чулочки, кажется. Было когда-то. Теперь уже все, конец...

– Мамочки! Горит! Я заснула, а оно!

Воздев руки вверх, видимо, в поисках божественной помощи, Бьянка не заметила, как мое одеяло спало с ее плеч.

Я уставился на совершенно голую девушку. В порыве горести она не замечала случившегося мгновений пять или даже шесть.

Я никогда не видел голых женщин, ни человеческих, ни тролльских, ни других. Так что поймите меня правильно – я обалдел. Для бедного деревенщины, не избалованного королевскими изысками, это было все равно что упавшая на макушку скала.

– Все сгорело! Троль, сделай что-нибудь! – возопила Бьянка.

Тогда она заметила – и то лишь благодаря порыву не совсем теплого ночного ветерка. Последовал визг совершенно другого сорта. Принцесса присела и, выпрямившись, натянула на себя одеяло по самое горлышко.

– Ах ты, охальник! Негодяй! Извращенец! Тупица!

Уууу! Так она еще не ругалась и не вопила!

– Да я тебе! Я тебе! – Запас нехороших слов начал иссякать.

Ее туфельки остались целы. Схватив их, Бьянка по очереди запустила в меня своей обувью, и на этот раз оба снаряда попали в цель. Один в лоб, другой в нос. От этого еще больше захотелось чихать. Меня всего перекосило.

– Ну я тебе покажу, как пялиться на несчастную принцессу! Да чего ты сидишь! Туши его, туши! Чего сидишь, дубина стоеросовая?!

Я чихнул, сдерживаться больше не было сил. Костер взметнул сноп искр. Одежда принцессы, развешанная над огнем, упала на угли безо всякой надежды на спасение, а сама Бьянка перекувырнулась назад через голову.

Поглядев на эту огненно-дымную катавасию, я сморкнулся одной ноздрей, встал, поднял с травы котелок и пошел к ручью. Когда я вернулся, принцесса все еще прыгала рядом с костром и издавала звуки, очень похожие на простуженную волюнку.

Никогда в жизни мне больше не видать покоя и тишины, пришла мне в голову грустная мысль.

«Вшшшшшхх!» – сказал костер возмущенно, когда я вылил на него полный котелок воды. Столб дыма поднялся к ночному небу, стало темно. Я зажал нос, чтобы не чихнуть второй раз. Принцесса замолкла, она стояла и смотрела на пепелище со странным выражением на лице.

– Все, это конец, – прошептала Бьянка, – самый полный из всех концов! Понимаешь ты это, тролль, или нет?

Я молчал. А что было говорить?

– Я только на десять минуточек задремала, повесила одежду, чтобы подсохла до утра, а ведь огня почти не было, только угли... Как это так?

Я молчал. Ну, бывает, что ж поделаться-то? Платье, насколько может судить такой идиот, как я, было красивое, этого не отнять. Но в мире есть куча других платьев. Хотя бы у Бьянки во дворце.

Придерживая одеяло, чтобы не путалось под ногами, принцесса подобралась к мокрым углям и взялась за край какого-то предмета одежды. Она не видела в темноте, но видел я. Мокрая обгоревшая тряпка в давешние времена была чем-то вроде трусов. Могу ошибаться, но так мне показалось. Вынув свечу из своих запасов, я зажег ее, чтобы Бьянке было удобно рассматривать свои вещи.

Девушка выглядела прибитой, как бревно, которое принесло течением к берегу. Молча и сосредоточенно она брала из пепелища то одно, то другое. Тряпок, черных и вонючих, нашлось довольно много.

Скорее всего, Бьянка не сможет надеть их сегодня утром. Я так думаю.

– Это ты во всем виноват! – последовало заявление.

Моя челюсть отвисла.

– Ты, ты и еще раз ты, несчастный тупой болван! – крикнула принцесса, вскакивая. – Зачем ты приперся в Ламарг! Почему именно тогда и именно ты?! Что тебе там надо было?

Я попробовал объяснить, но Бьянка ждать не стала.

– Я могла бы, в конце концов, достаться богатому купцу, странствующему рыцарю, чародею, лорду из далеких земель, таинственному незнакомцу, о каких пишут в романах!.. И они, они... они бы сделали меня счастливой! Да! По крайней мере не тащили бы через полкоролевства в мешке и не пугали до смерти, чтобы потом сжечь мою единственную одежду! Поэтому ты во всем и виноват, проклятый монстр! Я тебя ненавижу! Все! Ненавижу! Так и знай! Почему я такая несчастная? Как я могла бы сейчас жить!..

Я чувствовал себя еще более неловко. Принцесса шмякнулась на траву, когда ноги ее запутались в одеяле. В одно мгновение она снова ринулась в бой.

– Хотя и не во дворце, но я спала бы сейчас как человек – в постели, а не бегала голышом по лесу! Чего вылупился, остолоп! Ну! Хочешь меня сожрать? Прикидываться добреньким дурачком надоело? Ну, ешь!

Теперь она скинула с себя одеяло уже нарочно. В глотке у меня что-то застряло – словно большущий камень. Раскинув руки, Бьянка шагнула ко мне:

– Бери и жри, прямо сырой! Ага-а! Слабо! Кишка у тебя тонка, идиотина глиняная! Это мы только с виду такие страшные – у-у-у-у! – а так... тьфу – половинка овечьего шарика...

Я попятился, краснея и пробуя закрыть глаза руками. Кровь кинулась мне в голову и чуть не брызнула из ушей. Такое зрелище для меня было чересчур.

Бьянка спохватилась и бросилась к своему (моему) одеялу. Воспользовавшись моментом, я побежал в лесную чащу, чтобы там отосидеться. Затрещали ветки. Я проламывался вперед не разбирая дороги, пока не остановился в низине. Отдышался и ждал довольно долго, пока

все части моего тела не придут в норму. Не сказать, что это проходило легко, без сучка без задоринки.

Бьянка разорялась в отдалении. Я отер пот, не понимая, что со мной такое творится. Должно быть, принцесса умеет распространять какие-то чары и вполне может заколдовать меня до смерти. С другой стороны, почему до сих пор не заколдовала?

Понятно одно. Я обещал королю сделать то, что он просил. И сделаю, потому что тролли – народ честный. Однако очень и очень полезно будет держать себя с Бьянкой осторожней самого осторожного. О! Могу, оказывается, завернуть такое! Одним словом, ухо остро.

То, что она сейчас со мной проделала, иначе как волшебством не назовешь. Никаких зубов и клыков не понадобилось, чтобы напугать меня, а ведь раньше я вообще никогда ничего не пугался.

Подождав еще немного, я рискнул вернуться на поляну. Бьянка стояла возле горящей в траве свечи.

– Я ждала тебя только для одного! – королевским и величественным голосом изрекла девица. – Чтобы сказать, что я ухожу. И ты меня не удержишь! Все! Прощай, тупоумный монстр! Надеюсь, я никогда не увижу тебя... Одеяло вышло с посыльным. Бывай!

Я обдумывал услышанное, а Бьянка тем временем развернулась и зашагала прочь от меня и бывшего костра. Шла, шла. Медленно как-то.

Остановившись, обернулась:

– Так, я не поняла... Ты чего стоишь? Почему не задерживаешь меня? Я ведь совсем уйду! Раз – и нету!

Я подгонял мысли, но они не поспевали. Так и не въезжал, чего она такое делает. Погулять собралась, что ли?

– Я ведь ухожу! – сказала принцесса, указывая куда-то в лес. – У-хо-жу!

– Н-н-ну... – отозвался я.

Ага, уходит! Хочет уйти, чтобы я не выполнил данное королю обещание. И... В конце концов, она моя невеста, разве не таков был уговор?!

По-моему, Бьянка ждала от меня именно этого. Я сдвинулся с места и направился к ней. Девушка отпрыгнула по направлению к кустарнику. Я остановился, раздумывая, не является ли все это Очень Хитрой Ловушкой. Если да, то сейчас принцесса начнет колдовать...

Не начала. Может, была не в настроении. Сгори мои портки дотла, я бы тоже, наверное, расстроился.

Лишь бы снова не скидывала одеяло!

– Н-н-не н-ало уХОД-д-д-ить! – сказал я.

— Да что ты говоришь? А почему?

Я объяснил ей насчет невесты.

– Формально! Только потому, что мой чокнутый папочка провернул это дельце! Я бы ни за что сама не пошла, если бы он предупредил меня... Понял, тролль! Так что не надо много себе воображать, а то пищеварение испортишь!

Я думал над услышанным. Выходит, Бьянка совсем не рада, что король отдал ее мне.

Я был озадачен.

– У тебя есть какие-нибудь дельные предложения, тролль? – спросила Бьянка. – Ведь если я уйду, то меня больше никто никогда не увидит. Знаешь почему? Потому что в лесу этом наверняка полным-полно всяких зубастых волков, зубастых лис, зубастых барсуков и кабанов. Они только и поджидают меня в засаде! Я уже не говорю о бандах злостных и бесчеловечных медведей! И ты хочешь, чтобы я – несчастная маленькая принцесса – отправилась в самую чащобу и сгинула вовек! О-о-о! Тупость, видимо, ничуть не мешает тебе быть коварным злодеем, женишок мой! Ничуть! Сам не хочешь есть меня, так станешь смотреть, как меня будут пожирать эти вонючие звери?! Извращенец, я же говорила! А может, ты с ними в сговоре?

Я помотал головой. С медведями я не знаком. Единственный медведь, с которым я когда-либо общался, встретился мне на охоте. Я двинул его кулаком по макушке, после чего беседовать уже было не о чем. Насколько мне помнится, никакой дружбы с кабанами, волками или барсуками я тоже не водил.

Мне удалось рассказать об этом принцессе. И еще добавить, что ничего страшного я не замышляю. Мозгов не хватает – а ведь настоящие злодеи в сказках, как правило, умные.

Она вытаращила глаза:

– А как же объяснить тогда твое поведение? За весь день ты как только не измывался над сироткой!

Я молча вздохнул. Как ей сказать, что по большому счету все наоборот?

– Понятно, понятно все с тобой, громила! – фыркнула Бьянка. – Ты же у нас непролазный тупица, а следовательно... – Она взмахнула рукой. – Неважно!

Я окончательно перестал понимать что-либо. Мало того что моя невеста тараторила, словно воробей, так она еще и перескакивала с одного на другое, не давая мне времени усвоить услышанное.

– Итак, желаешь ли ты, чтобы я отправилась в чащу леса и померла там в чьем-нибудь желудке? – возопила она. Таким голосом, наверное, объявляют королевские указы. И стоит, словно в тронном зале. Прямая как жердь.

– Нет, – сказал я.

– Итак, ты торжественно клянешься в этом?! Не понял...

– Торжественно! Тролль, просто скажи: я ничего не сделаю принцессе Бьянке!

Я попытался. С грехом пополам, но мы вместе произнесли эту фразу.

– Хорошо, – сказала девица. – И есть меня не будешь?

Не буду, сказал я. Хотелось, чтобы она поняла – тролли не людоеды. Они многочегоеды, но не людоеды.

– Ага, – сказала Бьянка, кусая губы. – А почему тогда в книжках написано, что вы сжираете всех и всегда?!

Мне нечего было на это сказать. И зачем кому-то врать про троллей? Хм, а если подумать, то страшные сказки про Принцессу тоже неправда, так получается!

Я зашел в новый тупик. Вот если бы я не отправился в путь, если бы не ушел из Вороньего Глаза, то никогда бы столько интересного (и непонятного) не узнал.

Размышляя над книжками о троллях и сказками о чудовищной принцессе, я не замечал, что Бьянка продолжает что-то говорить...

– Эй, слышишь меня?!

Я поглядел на нее.

– Я говорю, когда придет рыцарь, чтобы меня освободить, я скажу ему, что ты со мной хорошо обращался. Усвоил?

Я ответил утвердительно. И спросил, когда же придет рыцарь.

– Скоро, наверное. Должен же он освободить меня из плена чудовища!

О каком чудовище она говорила, я не знал. Кроме нас, на полянке никого не было. Стоило, наверное, предложить мне самому освободить ее от чудовища, ведь она моя невеста, но я ничего не сказал.

Вообще чем дальше, тем сильнее меня тянуло спать. А ведь утро не за горами. Я зевнул, потирая глаза, и сел на землю.

– Я предлагаю тебе, тролль, отнести меня назад во дворец, чтобы я могла показать им всем, где раки зимуют! – сказала Бьянка.

Я подумал. И сказал: нет.

Принцесса сделала глаза-щелочки и поглядела ими на меня. Крика не последовало.

– Ладно, ладно, так и запишем, тролль. Ты отказался выполнить мой приказ. Когда придет рыцарь, я упомяну и об этом... Сохранность твоей головы будет зависеть от того, сколько у тебя наберется хороших и сколько плохих поступков. Надеюсь, ты это понимаешь.

Мне порядком надоела эта болтология. От говорильни устаешь больше, чем от ворочанья гигантских бревен. Я улегся на спину, заложил руки за голову и закрыл глаза.

– Ты чего это? Мы еще не закончили! Как ты смеешь так вести себя при... при мне, принцессе крови! Да раньше при мне ни один не мог даже сидеть, все стояли, а ты...

А что я? Я зевнул. Что-что, а спать сидя или стоя я не умею. Уплывая в сонные дали, я еще слышал голос Бьянки. Она была недовольна, очень недовольна, и ничуть не скрывала этого. Я провел с ней один день, а уже чувствую, что моя бедная тупая башка готова развалиться на части от трескотни. Ужас. Что пришлось пережить ламаргским царедворцам, королю, королеве и даже мраморным статуям в парке!

Возможно, та волшебница что-то напутала. Не может такое красивое существо взять и стать таким. Предсказанное ей будущее не хотело сбываться, вот в чем заковыка...

С этой мыслью, что лениво ворочалась в моем черепе, я и уснул.

11

Утром принцесса обнаружилась у меня за пазухой. Замерзнув ночью, даже в одеяле, она забралась ко мне под куртку, там свернулась калачиком, словно котенок, и посапывала.

– Ты храпишь как... не знаю что, – сообщила Бьянка, зевая.

Раньше, когда мы с братьями спали в общей комнате, я тоже храпел. Тогда меня лупили длинной палкой по кумполу. Потом храпеть принимался кто-нибудь другой – и ему тоже доставалось. Так до самого утра мы дубасили друг друга и просыпались свежими и отдохнувшими.

Я отодвинулся, удивляясь, что не раздавил бедняжку во сне, когда переворачивался. Принцесса дрожала. Утро выдалось прохладным.

– Тролль, приготовь завтрак! Подогрей воды из ручья, мне надо умыться! – сказала Бьянка. – Я вся покрыта грязью! Особенно после того, как ты сжег мою одежду...

«Ты сжег». Я промолчал. Допустим, нет на свете принцесс с зубами величиной с меч и когтями-серпами. Но, может, есть сдвинутые? К Бьянке такое определение очень подходит.

Не споря, я приступил к выполнению приказа. Ждать пришлось долго. Пока разгорелся костер, пока нагревалась вода, набранная в мой походный котелок, Бьянка все ворчала насчет своей несчастливой доли. Принцесса наблюдала за тем, что я делаю, и от этого я еще больше смущался.

– Это одеяло мне осточертело! – пожаловалась девица, ерзая в его складках. – Немыслимое дело! Я, дочь короля Баркарии, хожу голая!

Может, это наказание за несносный характер и строптивость, захотелось спросить мне. Да что толку спрашивать, если она уверена, что это я уничтожил ее наряд.

Нарезав колбасу, жареное мясо, рыбу, хлеб, я разложил это на деревянных тарелках.

– Опять эта ужасная еда. У меня от нее желудок в трубочку сворачивается, – заныла девица, указывая пальцем на провизию. – Вот ты можешь такое есть, потому что ты грубый мужлан, а я нежная девушка, которая способна потерять сон из-за горошины под десятью перинами! И нечего так на меня пялиться! Ты во всем виноват!

Это мы вчера уже слышали.

От еды Бьянка не отказалась, но перед тем захотела умыться. Вода в котелке дошла до нужной кондиции, и ею можно было пользоваться. Я поставил перед принцессой котелок.

– Ну? – спросила она. – Ты будешь смотреть на меня?

А разве надо?

Я сказал, что не знаю. Бьянка снова назвала меня тупоумным идиотом.

– Иди в дозор и охраняй меня, пока я умываюсь!

Я ни разу в жизни не ходил в дозор. Принцесса схватила за голову:

– Иди вот туда и там смотри, чтобы никто не подошел к поляне и не увидел меня, потому что я буду без... ну ты понял!

А-а-а! Ну так бы сразу и сказала.

– Я так и сказала, – ответила Бьянка с каменным лицом.

Ее непреклонный королевский взгляд заставил меня повиноваться. Я пошел в указанном направлении, проломился сквозь кустарник и топал до тех пор, пока не уперся лбом в небольшую скалу метрах в сорока от поляны. Возле скалы, наедине с тучей голодных комаров, я занимался какое-то время тем, что искал в носу разные сокровища и размазывал их по камню.

Я в дозоре по приказу Ее высочества, поняли?!

Это оказалось даже интересно. Комары пели мне хором в огромное количество маленьких глоток. Я отмахивался от них, но больше по привычке. Лично меня комары почти не доставали, моя кровь им казалась невкусной, я так думаю.

Потом я вдруг решил подобраться поближе – кто знает, каким коварным может быть враг! Еще подкрадется к поляне с другой стороны да утащит мою невесту...

– Была у меня золоченая ванна... он даже вообразить себе не может... дубина бесчувственная... – донеслось до меня. – Что за жизнь! Я посреди леса... у вонючего костра... у холодного ручья... умываюсь из котелка, в котором тролль готовит обычно свои похлебки из жаб и тушит мясо! Бедная я, несчастная, никто меня не пожалеет...

Скрючившись над котелком, принцесса умывалась и фыркала, словно кошка.

И опять, как в минуты волнения, в моем горле что-то застряло. Я никак не мог проглотить эту штуку и стоял с открытым ртом. Бьянка была красивее, чем в прошлый раз. И даже не в том дело, что видел я ее в чем мать родила, а в чем-то... ну, сам не знаю. Она была... у троллей нет таких слов, а у людей есть. Само совершенство. Где-то я слышал, что так говорят про чего-нибудь очень хорошее. Или про кого-нибудь.

Дрожа, ворча и отфыркиваясь, Бьянка совершала омовение и крутилась, как юла. *Такого* я насмотрелся за эту пару минут, чего, скажу вам, не мог увидеть ни в каком сне, ни в каких смелых мечтах.

Я отвернулся. Голова моя раскалилась до невозможности. Будь на ней шапка, она бы давно вспыхнула и сгорела дотла. Да еще вот сердце забилося сильно-сильно, чуть не выскакивая из того места, где ему положено обретаться природой. Между прочим, так и помереть недолго.

А потом раздался принцессин вопль.

Обернувшись к поляне, я узрел на другой ее стороне громадного бурого медведя. Одного из тех, о которых говорила Бьянка. Это был злобный бесчеловечный медведь, ждавший, когда моя невеста сама придет к нему в пасть, да так и не дождавшийся. Бурый явился сам и стоял в десяти шагах от принцессы, шевеля ноздрями и капая слюной в траву.

Перепугавшись, Бьянка остолбенела. Медведь, немало возбужденный ее видом (должно быть, решил, что ему несказанно повезло в это утро), поднялся на задние лапы. Большой зверь, ростом с меня, а уж клычищи он показал девице такие, что просто ужас.

У девицы хватило ума отпрыгнуть от своего помывочного места, споткнуться о складки одеяла и упасть. Медведь приветствовал это ревом, сотрясающим лес. Я его понимал, но стоять столбом не собирался. Издав рык, ничуть не уступающий медвежьему, я ринулся в бой. По пути снес несколько плотных высоких кустов и одно небольшое деревце (о чем сожалею до сих пор). Медведь не подозревал, что рядом найдется конкурент, а потому вытаращил на меня глаза. Да еще как вытаращил, скажу я вам. На его месте любой бы сделал то же самое, увидев несущегося в свою сторону квадратного тролльского амбала, размахивающего кулаками. Да еще с такой физией, что даже самым злым драконам запросто может присниться в кошмарном сне.

Пробежав мимо принцессы и сообщив почве некоторое сотрясение, я налетел на медведя. У него была возможность убежать. Самая маленькая. Но он ею не воспользовался на свою беду. А я не смог остановиться... Бум! У меня даже в голове загудело. Я продолжил свой путь по направлению к большой и толстой сосне, а бурое чудище полетело вверх тормашками. Соприкоснулись мы с препятствием одновременно – я с деревом, медведь с землей. На мгновение мне почудилось, что ближайшая скальная гряда слегка сдвинулась с места.

Оставив вмятину в коре старой сосны (это мое лицо), я обернулся к медведю. Тот еще поднимался, не вполне очухавшись от нашего столкновения. Мне удалось разогнать птичек, кружащих вокруг головы, после чего я смог оценить угрозу со стороны бурого клыкастого. Он не был намерен сдаваться за здорово живешь. Оскалив весь набор клыков, медведь зарычал. Я ответил тем же, продемонстрировав ему мою прямоугольную зубастую пасть.

– Взгрей его, тролль! – завизжала принцесса. – Взгрей!

Завернувшись в одеяло, она прыгала возле костра и размахивала свободной правой рукой.

Медведь раздухарился. На задних лапах он попер на меня. Я не стал отступать. К чему? Ну большой, ну вонючий, ну страшный! Ну и что дальше? Он вот так (лапищей махнул у меня перед глазами), а мы вот так... Сделав широкий и высокий замах, я двинул бурому по кумполу. Совсем как тому медведю, с которым стакнулся однажды на охоте.

Бац! Медведь присел и опустился на все четыре лапы. Покачнулся. Я двинул снова. Крепче он был, чем тот, явно крепче. Вот и сейчас сумел устоять. Собрав силы, он поднялся вновь. Когтем умудрился слегка разорвать мне рукав на правой руке. Вот как, значит! Тут я осерчал по-настоящему. Въехал медведю головой в грудь, обхватил его туловище и оторвал от земли. Бурый заревел. Я перекинул его через себя – клыкастый брякнулся о землю за моей спиной.

– Так! Так ему! Врежь еще, тролль! – бесновалась Бьянка, подскакивая.

Несмотря на то что упал медведь на голову, ему удалось встать довольно быстро. Он все огрызался, но мало чего соображал. Я наподдал супостату апперкотом, а потом левым хуком, от которого агрессор перекувырнулся через башку и снова оказался на земле.

Давненько я не дрался так, да еще со зверюгой. Кровь во мне вскипела. Хотелось разорвать этого лохматого болвана на части и сожрать тут же, пока не остыл. И откуда вдруг такое странное желание? Медвежатицу, конечно, ел, но не в сыром виде. Фу, бяка!..

Медведь решил больше не искушать судьбу. Получив хорошую утреннюю взбучку, он рыкнул весьма жалобно и припустил в лес. Затрещали ветки, мелькнула меховая медвежья задница. И на этом кончилась моя зарядка. Мы, тролли, умеем быстро зажечься, но быстро и остываем. И я остыл, думая, что хорошо сделал, оказавшись рядом в нужный момент.

Бьянка все еще чего-то вопила. Я не успевал понять из-за быстроты, с какой слова выливались из ее рта. Мне было ясно лишь одно – что она довольна, впервые с момента нашей встречи.

Протопав к костру и заставив Бьянку попятиться, я схватил с тарелки несколько кусков холодного жаркого. Сунул в рот. Зверский аппетит проснулся во мне, как всегда после физических упражнений на воздухе.

– Ты прямо... Ух как ты его! – сказала принцесса, вытаращившись на меня. – Никогда такого не видела!

Я указал ей на еду. Мол, пользуйся моментом, пока не случилось еще чего-нибудь. Позабыв о незаконченном умывании, Бьянка села на траву и стала уплетать за обе щеки. Зов желудка иногда сильнее, чем королевская гигиена.

Принцесса все говорила и говорила, а я вспоминал свой бой и думал о том, что делать дальше. Похоже, пришло время именно для таких дум.

– Голыми руками медведя! – восхищалась девица, качая головой. – С ума сбрендить можно! Будь ты человеком и рыцарем, о тебе слагали бы легенды, занесли бы твое имя в какие-нибудь анналы и хроники! А на турнире я подарила бы тебе шарф или рукав!

Я не знал, что такое анналы и что такое хроники, и хорошо ли это, когда тебя туда заносят. И зачем мне шарф и рукав без рубахи? С другой стороны, если бы его подарила Бьянка...

Замечтавшись, я вообще улетел в какие-то нездешние дали.

– Слушай, тролль, а куда мы теперь пойдем? Не будем же мы вечно сидеть на этой поляне!

– А?..

Я вернулся из далей и уставился на нее.

– Я спрашиваю, – сказала Бьянка, расставляя слова пошире, – куда мы направимся?!

Опс, как сказал однажды мой дядюшка Мрокк, провалившись по шее в Дримпенскую Трясину.

Именно об этом я думал только что – хотя и без толку, как вы понимаете. Бьянка угадала мои мысли, чем поставила меня в тупик.

Бедная моя тупая башка!

12

– Когда мы придем в ближайший город, мы отправимся в лавку мне за одеждой, – сказала Бьянка в пятый раз. Она стояла у меня за спиной, чтобы я меньше видел.

Я кивнул. В пятый раз.

– Так, теперь я забираюсь в рюкзак, и ты осторожно надеваешь его на спину. Осторожно! Понял?

Я ответил утвердительно. Чего тут не понять-то? Пока принцесса голая, она будет сидеть у меня в рюкзаке, а когда мы купим ей платье, то она там сидеть уже не будет.

Среди людей встречаются настоящие умники. Даже гении. Их идеи просты как все гениальное, так, кажется, говорят?

Началась возня. Бьянка, замотавшись в одеяло, пробиралась в недра моего верного походного рюкзака. Помимо возни слышались бормотание, ворчание и тихие проклятия.

Время шло. Не такое это было и простое дело, но принцесса не позволила мне помогать ей. Слишком, дескать, вопрос деликатный. Что ж, ясно.

Я ждал, вспоминая, что в результате рюкзак обзавелся несколькими дырками для дыхания и подсматривания наружу. Бьянка настояла, чтобы я проделал их своим ножом, а иначе она грозила остаться на этой поляне навсегда.

– Невероятно. Кажется, что он большой... Нет, так не пойдет! – фыркнула Бьянка. – Лучше без одеяла...

Я не понял, чем это лучше. Принцесса, по всей видимости, юркнула в рюкзак и со стоном зашебуршилась там, пробуя устроиться поудобней.

– Твой проклятый скарб, тролль... о-о! Мое бедное тело! Мои бедные кости! О мои бедные мускулы! За что мне это?!

Я спросил, можно ли надевать рюкзак.

– Можно, только сунь мне туда одеяло, балбес!

Я сунул.

– Так... – послышалось изнутри, – если подстелить вот так, то будет даже очень мягко... Охо-хо! Ладно, тролль, можем отправляться.

Я выполнил все принцессины указания. Королевской еды в рюкзаке осталось всего ничего, так что места для Бьянки как раз хватало. Но еще были разные вещи.

Хм, должно быть, моей невесте там не очень удобно.

– Иди на северо-восток, – сообщила Бьянка. – Ты силен в географии моего королевства?

– Ч-чего?

– Тьфу! Ты хоть знаешь, где мы сейчас?

Я уже думал над этим и поделился с принцессой своей догадкой. Я шел на юг от Ламарга, значит, на юге.

– Ну хоть в сторонах света ориентируешься, – проворчал рюкзак. – Ладно, топай на северо-восток... Если хоть что-нибудь сама понимаю в географии, там должен быть Драмтейг... Слышал о Драмтейге?

– Н-н-н-нет.

– Так я и знала! Ну и жених мне попался... Дуб дубом, чтоб мне лопнуть! Идем, идем, не стоим...

Мы пошли. Вернее, я пошел, а принцесса поехала внутри моего рюкзака. Погодка разгулялась. Веселое солнышко осветило лес, изгнало ночные тени и согрело воздух. Защебетали всяческие птички-невелички, запорхали бабочки, зажужжали над ручейками и болотцами стрекозы. Благодать, как говорила моя мамаша. Такой день – самое лучшее время для хорошего поступка. Но где его взять, этот поступок?

Прошагал я полмили на северо-восток, и принцесса заявила – после долгой страдальческой возни:

– У тебя здесь чем только не воняет, тролль! Ты меня слышишь?

Я слышал.

– И это я, Бьянка, принцесса крови... в рюкзаке у чудовища... и пусть он не ест людей, но дела это не меняет... Папочка этого хотел? Мамочка об этом мечтала? Так пусть радуются!.. Ох, меня сейчас вырвет! Меня укачивает... Чеснок, протухший сыр, грязная валяная шерсть... бе-е! А это что? Кошмар! Тут кусок бумаги, в который заворачивали селедку лет двести назад. И две кости... Не человеческие ли? Гнилая картошка тоже в наличии, конечно, куда без нее... Никогда не думала, что еда до ее приготовления так омерзительно выглядит... А это! Гадость! Фи-и! Носок! Мамочка, спаси меня отсюда! Не хочу сидеть в одном рюкзаке с грязным носком!

Я прошел еще с полмили. Получалось у меня это неплохо, учитывая ширину шагов. Принцессе для этого понадобилось бы целых полдня.

– Интересно, что будет, если я захочу в туалет? – самым пессимистичным голосом спросила Бьянка.

Еще мила. Местность понижалась. Я перешагнул уже через несколько мелких ручейков и перешел вброд один глубокий.

По всей видимости, мы ищем город. Как его – Драмтейг? Мои тролльские познания в топонимике Баркарии не простирались дальше рассказов соплеменников, совершавших в свое время вылазки в королевство. А их познания простирались лишь в пределах, отпущенных Проклятием Непролазной Тупости.

Словом, кроме скудных сведений о столице, я не знал вообще ничего. И еще эта штука... хрео... греохракия, что ли? В ней нужны какие-то познания, а они требуют наличия мозгов. В этом деле я пас.

Я шел и шел. Принцесса то затихала, то вновь принималась возиться внутри рюкзака.

– Я сижу на половине окорока. А в лицо мне постоянно упирается деревянная тарелка из-под рыбного салата... Не-ет, меня точно вырвет!

Я подумал, что запах от этого точно не улучшится, но промолчал.

Вроде бы Бьянку не вырвало еще через четверть мили. Потом она потребовала остановиться для естественных надобностей. Я понял, о чем речь, только со второго раза. Ну сказала бы проще – хочу, мол, до ветра...

Пришлось искать укромные заросли, ставить рюкзак на землю, отходить в сторону, за деревья и ждать сигнала, что дело сделано.

– Тролль! Можем идти!

Путешествие продолжилось.

– Нет ли на горизонте чего-нибудь вроде города? – спросила принцесса примерно через полчаса.

Я как раз вышел на дорогу, что тянулась с востока на запад.

– Она единственная, это не перекресток? – спросила Бьянка.

– Н-н-нет!

– Понятно... В общем, так, можешь двигаться на восток. Авось найдем какой-нибудь город. Ой, я нашла кое-что, – прибавил рюкзак. – Вино. Это то, что надо!

Я пожевал губами, словно лошадь. Пришла и ускользнула какая-то мыслишка.

– Слушай, тролль, – подала голос Бьянка, когда я преодолел метров сто дороги. – А у тебя есть деньги на мой новый гардероб?

– Н-н-нет...

– Ох, и почему же я заранее знаю ответ на поставленный вопрос?! Что – совсем-совсем нет?

Я запустил руки в карманы. Там отыскалось несколько медяков и одна серебряная монета. Об этом я сообщил принцессе.

– Ладно, балбес... будем выкручиваться. Мне, видимо, придется придумать что-нибудь... хотя что может придумать принцесса с голым задом? Все ясно – я самая несчастная королевская дочка в мире...

Я не мог ни возразить, ни согласиться.

13

– Ик, – донеслось из рюкзака. И еще раз: – Ик... Значит, это город?

– Д-да.

– И что на нем написано?

– Н-н-не з-з-з-з-з-н-н-н-н-н-н...

– Стоп! Понятно! Ты, выходит, неграмотный... – Принцесса рыгнула, захихикав. – У меня есть одна идея, тролль! Вот будет умора, если она... не сработает!..

Город, названия которого я не знал, оказался в конце дороги примерно через полчаса. Пока я топал, в него и из него мимо меня проехали и прошествовали разные существа. У большинства из них мой вид вызвал любопытство. Я был самым большим созданием на дороге, больше даже, чем лошади-першероны.

– Иди к воротам... шагай себе... если стража запросит налог на вход, заплати, этого должно хватить... а дальше двигай на рынок или в лавку за одеждой... Я буду... ик... тебе подсказывать...

Бьянка хихикала. В последний час она почти избавилась от своего дурного настроения. С чего бы это?

– Вперед, – пропищала она из рюкзака, – вперед... ик... мой храбрый паладин... навстречу... ик... подвигам...

Я пошел, как мне было велено, вперед, к воротам. Собственно, город был уменьшенной копией Ламарга, только стоял на ровном месте, а не на холмах.

У ворот несли вахту четверо гномов с длинными алебардами. Два одетых в кольчуги и шлемы бородача сидели на камнях и использовали пустую бочку в качестве стола, на котором можно играть в кости. Два других гнома беседовали с приезжими. Кажется, принцесса была права. Они собирали плату за вход.

– Я ничего не вижу из-за твоей проклятой спины, тролль, – пожаловалась Бьянка, но тут же замолчала, сообразив, видимо, что я уже слишком близко от стражников.

Тут я понял – вовремя! – что никто не должен знать о существовании внутри моего рюкзака настоящей живой принцессы. В этом и состоит фокус, хотя какой именно фокус, хоть тресни, не знаю.

– Здоровяк пришел, – сказал один из гномов. – Тролль, стало быть, а таких сегодня не было...

Глядеть на меня ему приходилось, высоко задирая голову. Второй стражник зевнул.

– Кого здесь только не шастает в последнее время, – сказал он. – Чего тебе надо в славном городе Марипенне?

– К-к-к-ка-м-м-мне-т-т-тесн-н-ные и с-с-с-ст-тро-ит-тельн-н-ные р-р-р-ра-б-бо-т-т-ты! – сказал я. Этой умной фразе меня научили знающие тролли. Сказали, что, если кто тебя спросит, чего приперся, отвечай им так. Где-нибудь всегда идет строительство, поэтому такое объяснение не должно вызвать подозрений.

Гномы поняли с первого раза, повторять не пришлось. Отлично.

– С тебя три монеты. Медь, понимаешь? Три обола!

Сомневаясь в моих умственных способностях (гномы в курсе насчет Проклятия?), бородачатый коротышка показал мне три пальца. Я вынул из кармана свои медяки и чуть не растерял. Слишком маленькие они для моих пальцев, ничего не поделать.

Я подумал, что будет, если стражники захотят поглядеть, что внутри моего рюкзака. Это и есть та умора, о которой говорила принцесса?

Гном взял деньги, потом оглядел меня. Те, что играли в кости, сморозили какую-то шуточку, и все четверо захохотали. Я даже не расслышал, в чем дело. Бьянка не шевелилась, не желая выдавать своего присутствия.

– Ну, проходи уже, громила! Время – деньги! – завопил за моей спиной какой-то тип, правивший тележкой, на которой возвышалась здоровенная бочка.

– А ты глотку не дери! – отозвался один из гномов, грозя ему кулаком. – Тут все по правилам происходит, и не подгоняй бургомистерских тружеников...

Тип на бочке слегка поворчал в ответ. «Труженики» ему явно не нравились.

– Эй, тролль! Слышишь меня? Не стой столбом, вали отсюда, занимайся своим работами! – крикнул мне гном, маша рукой. – И рот захлопни, а то ворона залетит! – Снова громогласный хохот.

Я нахмурился, гадая, очень это оскорбительно для тролля или нет, а потом что-то ткнуло меня в спину. Я обернулся, увидев только хмурого человека с бочкой.

– Двигай! – прошипела из мешка Бьянка.

Тут я догадался, что это она... Маскировка – это сила!

Так я прошел через ворота Марипенны и оказался внутри. Улочки, площаденки, все маленькое, кургузое, развернуться негде. Похоже, что моя родная деревушка побольше будет вширь, чем этот загон для овец, огороженный каменными стенами. Наши тролли обсмеяли бы такое несерьезное поселение, это уж точно. Ручаюсь!

Значит, не все города в Баркарии такие, как столица. Вот какой важный вывод я сделал через некоторое время после входа в Марипенну.

– Теперь найди одежду лавку, – приказала Бьянка. – Ты хоть способен понять, какая она должна быть по виду?

Я не понял.

– Волчанка, чума и насморк! Смотри, где на табличке нарисовано что-то похожее на портки... Женские! И спроси дорогу туда, где эти лавки можно отыскать!

Я двигался не слишком широкой улицей – по крайней мере, она была таковой на мой взгляд. Прохожие сторонились, прижимались к домам и ворчали, а я извинялся через пень-колоду. В ответ граждане крутили пальцем у виска и исчезали из моего поля зрения.

Наконец мне повезло. Я установил контакт с одним большим парнем, похожим на дровяной сарай. Он был не совсем человек, а, учитывая размеры, среди его родни вполне могли водиться тролли.

Я втолковывал ему, чего мне надо, а он пытался понять. Наш разговор привлек несколько прохожих.

– Туда, – сказал большой парень, махнув в одну из сторон света. Я постарался запомнить направление.

Прохожие поняли, что интеллектуальная беседа подошла к концу, и потопали по своим делам. Большой парень тоже отправился своей дорогой.

– Я думала, вы никогда не закончите, – проворчала Бьянка, ерзая в рюкзаке. – Вас бы обоих в члены королевского совета... у-у-у, что б тогда было! А что – идея!

Она захихикала, но я не понял, в чем тут соль.

Поплутав по не слишком чистым и не очень благоуханным переулкам, я вышел все-таки на улочку, где находились лавки. Здесь толклись горожане и приезжие, и мне пришлось прокладывать сквозь них дорогу. При этом требовалось постоянно смотреть под ноги, ибо я рисковал раздавить кого-нибудь из маленьких народцев. Народцы эти шныряли взад-вперед с непостижимой для меня скоростью. Иной раз было невозможно определить, куда стоит ступить в следующий момент, а куда нет.

Отойдя к краю улицы, я остановился возле одного из зданий. Приземистым, из кирпича, с черными оконными рамами и витыми решетками. Над дверью висела деревянная штукавина

на цепочках, Я присмотрелся. Незвестный резчик изобразил на дереве штаны, рубашку и платье.

– Стой, болван! – сказала принцесса. – Не двигайся, чтобы я могла видеть!

Я послушался.

– Магазин одежды... Троль, ты везунчик! «На любой вкус» называется. И... «Распродажа в связи с закрытием»... Скидка – сорок процентов...

Мимо меня шествовал пузатый горожанин. Уловив что-то странное, он покосился на принцессино убежище.

Скидка? Кого, интересно, откуда скидывают? Я открыл рот, чтобы спросить, но Бьянка не дала:

– Слушай внимательно! Запоминай, что надо делать! Понял?

– Аг-г-г-га!

– Мы должны...

14

Протиснулся в низкие квадратные двери я с трудом, на четвереньках. Никто, наверное, не думал, что когда-нибудь в них захочет пролезть тролль. Что ж, я почти привык к подобному отношению. В этом мире не так-то легко найти справедливость для существ, подобных мне.

Магазинчиком владел некий крошечный субъект, еще меньше, чем гном. У него были мохнатые ноги, торчащие из коротких штанишек, помочи и голубая рубашка. На голове смешная округлая шляпа и вдобавок развесистые седые бакенбарды. Поняв, что пришел клиент, он высунулся в зал и впал на какое-то время в ступор. Такая реакция меня не удивила. Будь я так обижен от природы ростом...

– Чем могу? – спросил коротыш. Голос у него был почти писклявый.

Я поздоровался, что получилось у меня с первого раза, а потом уселся на пол (с потолком тут тоже была проблема). У хозяина отпала челюсть.

Я оглядел развешанные по стенам образцы. Там были платья и всякие другие женские приспособления. Слева. А справа висели мужские предметы одежды.

– Так чем могу? – Волосатоногий карлик подошел ко мне, но продолжал держать дистанцию, насколько позволяли размеры помещения.

Я ткнул пальцем себе за спину, как мне велела Бьянка. Коротыш не понял и поводил глазами, стараясь увидеть что-то позади меня. Это было трудно. Тогда я развернулся таким образом, чтобы рюкзак стал ближе к волосатоногому.

– Как тебя зовут, владелец сего заведения?

Это был голос Бьянки, но какой-то странный. Зловещий, я бы даже сказал, и низкий. От него крошечный субъект задрожал осиновым листом и чуть не хлопнулся в обморок. Озираясь и останавливая периодически взгляд на мне, он пробовал определить источник голоса.

Я хранил каменное молчание. Сказать мне было нечего, да к тому же принцесса предупредила, чтобы я сам рта не раскрывал.

– Мм... меня зовут Дейви Морс... господин... – последовал писклявый ответ.

Я повел плечами. Этот «господин» не я. Оставалось одно – признать, что Дейви разговаривает с моим рюкзаком. И Дейви признал.

– Знай же, о Дейви, что пришел я из далеких-далеких краев, где растут пальмы и светит жаркое солнце! – провозгласила Бьянка все тем же неБьянкиным голосом. Чудно, подумал я. Зачем она это делает? – Я проделал долгий путь и остановился в этом славном городе, Мари-пенне. Я путешествую уже сто лет и посещаю разные страны, дивлюсь на чудеса их и заново свои впечатления в анналы! Понимаешь ли ты меня, о достойнейший хозяин лавки?!

– О да! О да! – Писк этот напоминал вокальные упражнения гигантской мыши. Хозяин дрожал и пялился на мой рюкзак. – Кто ты, о повелитель?

– Я – Таинственный Мешок! Я известен со времен стародавних и обладаю могущественными магическими талантами! А этот тролль – мой слуга, который переносит меня с места на место! Но не строй иллюзий относительно нас. Мы – не те, чем кажемся, особенно я – сейчас я в образе обычного рюкзака, а когда придет Время, все будет совсем по-другому! А пока я решил заглянуть в твой магазинчик, чтоб немного отовариться!

– Какая честь для меня, господин Таинственный Мешок! – затрясся карлик.

– Но помни! – взвыл голос из рюкзака. – Ты не должен никому рассказывать о моем визите! Иначе постигнут тебя кары всевозможные и парша неизлечимая, капель из носа и нервная почесуха на фоне неудержимой диареи! Стоит мне пожелать – и будет по слову моему! Вот!

Волосатоногий готов был упасть на колени или вообще на пол, но удержался.

– Я понял, повелитель, господин Таинственный... – Дейви Морс дрожал и потел. – Я никому не скажу о том, что вы приходили!

– Я проверю это – и тогда горе тебе, если нарушишь данное обещание!

Волосатоногий подскочил до потолка, а, приземлившись, покраснел и затараторил:

– Повелитель, я не знал... словом, я бы подготовился ко встрече!

– Нельзя подготовиться ко встрече с инкогнито! – рыкнула принцесса-рюкзак.

– А, ну да, конечно... только... только, я ведь не знаю, что вам было бы интересно... вряд ли у меня... словом... мы закрываемся и переезжаем в другое место, и по этому случаю у нас распродажа... вот... э... почти все уже раскупили... а то, что осталось, наверное, не подойдет вам или... вашему этому, ну... слуге, значит!

– Я сам знаю, что мне надо!

– О! – преисполнился благоговения волосатоногий. Я подумал, что этот день он запомнит надолго. – Чем же я могу услужить могущественному волшебнику, который не тот, чем... в общем... того...

– Мне требуется женское платье и костюм! – сказал мой рюкзак. – Того же размера, как вон тот манекен в углу. Да к тому же бесплатно!

– О! Бесплатно! – пискнул Дейви. – Но у нас и так распродажа!

– Если будешь дерзить Таинственному Мешку, я мгновенно превращу тебя в крысу, о недостойнейший сын осла! Понятно тебе или нет?

Пока шло общение, я занимался очисткой носа от всякого ненужного. Скопилось много.

– Понятно, повелитель, понятно! Значит, платье и костюм?

– Да! Вон те, они висят вместе!

– Я понял, понял, понял... – Волосатоногий суетился, как могут суетиться только очень маленькие существа. При этом от страха – а Бьянка нагнала на него именно это – он совершал кучу лишних движений и рисковал, поглядывая на меня и налетая на углы, что-нибудь себе покалечить.

– Шевелись! – приказал рюкзак. – Сегодня мне еще нужно слетать на ковре-самолете в далекое королевство Мормольеру, чтобы отужинать с его королем-оборотнем. Если я этого не сделаю, он пойдет на вас войной и сотрет вас всех с лица земли... ик...

Угроза быть стертым с лица земли вконец свела волосатоногого с ума. Он сдернул вещи с вешалок и положил на прилавок. Тычком в спину Бьянка приказала мне повернуться, чтобы ей было лучше видно.

– Ты сумел удовлетворить первую часть моего приказа! – провозгласила принцесса.

– А есть и вторая?

– Есть!!!

– О-о! Позвольте спросить, о повелитель, для кого... предназначена эта одежда?

– Это... Хм... Подарок моему племяннику... то есть племяннице на день рождения, который будет в следующем году. А так как мне некогда, я решил прикупить подарок заранее.

– Понятно...

– Если будешь слишком любопытным, о владелец магазина, я велю своему троллю свернуть крышу у твоего заведения, и это будет только первая часть моей кары!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.